

The book cover features a central white marble background with gold veining. It is framed by several large, detailed roses in shades of black, grey, and deep red. A diamond-shaped icon containing the text '18+' is positioned above the main title.

18+

ПРЕКРАСНЫЙ ГРЕЙВС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л. Д Ж. Ш Э Н

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн

Л. Дж. Шэн

Прекрасный Грейвс

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шэн Л.

Прекрасный Грейвс / Л. Шэн — «Эксмо», 2022 — (Freedom.
Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн)

ISBN 978-5-04-195106-1

Говорят, первая любовь — конец всего. Эти слова как нельзя лучше подходят Эверлинн. Её жизнь — сплошная трагедия. Девушка потеряла всё, что ей было дорого: мечты, семью и возлюбленного. Терзаемая чувством вины, Эверлинн уединилась в городе Салем. Она не позволяла себе радоваться и наслаждаться каждым днём. Но встреча с загадочным красавцем по имени Доминик изменила привычный уклад. Этот парень отличался от всех, кого она встречала: авантюрный, весёлый, с жадой жизни и страстным желанием сделать Эверлинн своей. Но как только на горизонте замаячила надежда на прекрасные перемены, раны прошлого вновь дали о себе знать. Нет ничего хуже, чем быть влюблённой в двух парней... Особенно если один из них тебя ненавидит.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-195106-1

© Шэн Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Плейлист	6
Пролог	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	51
Глава 7	54
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Л. Шэн

Прекрасный Грейвс

L. J. Shen
Beautiful Graves

© 2022. BEAUTIFUL GRAVES by L.J. Shen

© Куликов И. А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

То, что мы любим, говорит нам о том, кто мы есть.
– *Фома Аквинский*

Надежда – это сон наяву.
– *Аристотель*

Плейлист

Duran Duran – Save a Prayer
Oasis – Don't Look Back in Anger
Annie Lennox – No More "I Love You's"
Dubstar – Stars
The Hollies – The Air That I Breathe
Goldfinger – Put the Knife Away

Пролог

Не так я себе представляла поход в церковь.

Одета во все черное, глаза запали, губы потрескались.

Единственное, что сейчас бурлит у меня в животе, – теплый кофе, выпитый залпом, чтобы запить успокоительное.

Несмотря на то что здесь собрались все знакомые, чтобы поддержать меня, я знаю, что это не так уж и важно. Особенность трагедий в том, что невозможно избежать Великого Одиночества. В один прекрасный момент оно все равно настигнет тебя. Посреди ночи. Когда поспешно принимаешь душ. Когда переворачиваешься в постели, а сторона, где обычно лежит возлюбленный, пустая и гладкая.

Важные моменты в жизни всегда испытываешь в одиночку.

Но я не готова прощаться.

– Не обязательно присутствовать на похоронах, – очень кстати замечает отец. Мы проходим мимо людей. Я твердо смотрю на двери, избегая зрительного контакта с кем-либо. – Они поймут. Прямо сейчас ты проходишь через ад.

Возможно, это плохо – не придавать значения тому, что думают другие, но мне действительно плевать. Не собираюсь оставаться здесь, чтобы смотреть, как гроб опускают в землю. Я уйду задолго до того, как все развалится на части. Прежде чем все станет реальностью. Наверное, от этого я кажусь трусихой, но я просто не могу этого вынести. Еще одно преждевременное прощание.

– Уверена, у него будет прекрасная могила, – слышу я собственный голос. Он доносится из глубины моей души, словно изливается желчь. – Он прекрасен во всем.

– *Был*, – поправляет меня голос за спиной.

Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто это.

Это мужчина, которому принадлежит вторая частичка моего сердца.

И все – я больше не могу этого выносить. В двух метрах от дверей церкви я падаю на колени, опустив голову, начинаю рыдать. Скорбящие вокруг меня шепчутся: «Бедное дитя», «С ней такое не впервые», «Что же ей теперь делать?»

Они не ошиблись. Я понятия не имею, что буду делать. Потому что даже в лучшие времена я всегда разрывалась на части.

Между человеком, которого вот-вот похоронят.

И тем, кто сейчас стоит у меня за спиной.

Часть первая

Глава 1

Восемнадцать

Все началось с пари на улице Рамбла.

А именно, с жалкой попытки моей лучшей подруги привлечь внимание какого-то парня.
– Ты убиваешь себя, бро.

Пиппа дотягивается до сигареты, зажатой у него во рту. Затем вынимает ее и разламывает пополам.

Часа не прошло, как мы в Барселоне, а она уже ищет изощренные способы прикончить нас обоих.

– Вот. На здоровье. Только что спасла тебя от рака. – Откинув свои волосы цвета омбре, она проскальзывает мимо раздвижных дверей аптеки, оставляя парня стоять на улице.

– Прости. Мы забыли взять с собой ее манеры, – выдергивая наушники из ушей, бормочу курильщику на обочине.

Это то, что мы делаем, Пиппа и я. Она устраивает пожары, а я их тушу. Она разгоряченная и хаотичная, я бесстрашна, как ледяная статуя на королевской свадьбе. Она готова трахнуть хоть с фонарным столбом, а я... ну у меня, похоже, интереса к сексу нет от слова совсем, несмотря на то (а может, даже из-за того), что пару месяцев назад я потеряла девственность.

Я и Пиппа знакомы давно. Мы познакомились в первый день в детском саду и подрались за логический кубик (которым, как легенды гласят, она стукнула меня по голове). С тех пор мы неразлучны.

С ее сияющей, яркой внешностью Арианы Гранде я выгляжу мрачной, обутой в армейские сапоги готкой.

Мы ходили вместе в начальную, среднюю и старшую школы, а летом отдыхали в одних и тех же лагерях.

Сейчас мы с Пиппой обе учимся в Калифорнийском университете в Беркли.

Идея отправиться в Испанию на две недели пришла в голову именно ей. Это последняя возможность оторваться перед началом учебы. По материнской линии Пиппа наполовину испанка, а одна из ее тетушек, Альма, проживает в Барселоне, и это значит, что у нас есть место для ночлега.

– Давай-ка установим новое правило. – Поправляю рюкзак на одном плече, в то время как мы проходим под светящейся зеленой вывеской Farmacia 24 Horas. – Хватит доставать каждого местного. Если твоя задница вяжется в уличную драку, я пройду мимо и сделаю вид, что не знаю тебя.

Это ложь. Я бы приняла пулю за нее. Просто предпочла бы этого не делать.

– Да ну брось, – фыркает Пиппа, подхватив зеленую корзину по пути в отдел личной гигиены, – у нас в распоряжении целых две недели, чтобы оттянуться по полной, прежде чем мы окунемся в реальность. А колледж серьезное дело, Лоусон. Сейчас самое время ввязаться в уличную драку. Особенно с таким красавчиком, как этот чувак.

Она бросает в нашу корзину шампунь, кондиционер, зубную пасту и две зубные щетки. Я добавляю обезболивающее, солнцезащитный крем и лосьон для тела. Никто из нас не горел желанием упаковывать в чемоданы что-либо взрывоопасное.

Пиппа встает посреди стеллажей с бритвенными принадлежностями.

– Как думаешь, здесь продают экстренные контрацептивы без рецепта?

– Зачем они тебе? Ты планируешь заняться незащищенным сексом со случайным парнем? – спрашиваю я.

– Твоей девочке любопытно, ясно? Никто ничего не говорил о том, чтобы взять их. – Она пожимает плечами, потом хватается за руку и тянет к следующему стеллажу. Я осознаю, что мы примерно на пять децибел громче, чем все остальные в магазине. А он отнюдь не пустует. Тут и пожилая пара, болтающая с фармацевтом, и беременная женщина, разглядывающая флакон со слабительным, и кучка парней в спортивной форме, выбирающих кремы от зуда.

Остановилась Пиппа в итоге возле стеллажа, который мы в шутку называем «Сексуальное время». Пиппа проводит своим острым ногтем, словно огненным кинжалом, по различным продуктам.

– Не забудь купить презервативы. – Мне очень хочется выбраться отсюда, настолько, что я уже обгрызла весь свой черный лак на ногтях. Так и тянет окунуться в душ ее тети и смыть с себя тяжесть двенадцатичасового перелета, а потом расслабиться. – Ну это так, на случай если передумаешь привезить домой хламидиоз в качестве сувенира.

– Хламидии – хреновый сувенир. – Пиппа переводит на меня взгляд и усмехается. – Нам нужен настоящий сувенир. Мы сделаем тату.

– Ты сделаешь, – поправляю ее. – Я пас.

– Почему? Не похоже, что ты боишься иголок. – Она разглядывает мое кольцо в перегородке, приподнимая бровь.

Я прячу его поглубже в нос.

– Пирсинг – это еще ничего. Татуировки означают обязательства, а я этого не делаю. Напомнить тебе, что я даже не могу придерживаться привычки есть хлопья?

– Тебя от них не оторвешь, – хмыкнула она. – «Риз Паффс».

– Как бы сильно я ни обожала «Риз Паффс», я не прочь уничтожить миску «Фростед Флейкс» и «Эппл Джекс».

– «Эппл Джекс». – Она вздрагивает. – Иногда мне кажется, что тебе уже ничем нельзя помочь. В любом случае тебе нужно сделать татуировку. Твоя мама будет страшно тобой гордиться, если ты решишься на это.

– Возьму на себя бремя ее разочарования.

Пиппа права. Однако Барбара «Барби» Лоусон совершенно не обрадовалась бы, расскажи я ей, что у меня будет татуировка на всю руку. Хотя она сама исписала ими большую часть спины, икр и запястий. Цитатами, которые дороги ее сердцу. «Татуировки – это все равно что клеить обои на выкрашенный обычной краской дом», – всегда говорила она.

Родилась мама в Англии, в городке Ливерпуль, но в 16 лет сбежала в Сан-Франциско. Типичной матерью ее не назовешь. Поэтому я люблю ее не только как свою маму, но и как человека в целом.

– Эвер! – Пиппа топнула ногой. Меня зовут Эверлинн. Но давайте быть реалистами: жизнь слишком коротка. – Ну же.

Я изображаю указательными пальцами крест, будто пытаюсь изгнать из Пиппы нечисть.

– Уф, ладно, – Пиппа вскидывает руки в воздух, прежде чем взять упаковку презервативов, – никаких татуировок, но я собираюсь развратить тебя. Я устраиваю интервенцию. Эверлинн Беллатрикс Лоусон, ты была плохой, очень плохой девочкой. И под «плохой» я подразумеваю «хорошей». Очень хорошей. Тошнотворно хорошей. Мы – поколение Z! Испорченность заложена в нашем ДНК, ясно? Мы выросли на социальных сетях и семье Кардашьян.

– Я уже достаточно испортилась, ни с кем не трахаюсь, – заявляю я, хотя мы обе знаем, что это ложь. Когда приходит время бунтарских поступков, со мной становится откровенно скучно.

– О татуировке я забуду, если пообещаешь во время нашей поездки воспользоваться хотя бы одной из этих малышек. – Она размахивает презервативами. Я сейчас просто рассыплюсь

на мелкие кусочки от смущения. Только одно меня останавливает – буяннить и скандалить здесь совсем не хочется.

Из прохода рядом с нами доносится смешок. Похоже, у нас зрители. Йо-хо-хо.

– Я не девственница. – Выхватываю презервативы, засовываю их в самую глубь корзины, под тампоны и зубную пасту.

– Ну, это было с Шоном Данэмом, считается ли вообще? – съязвила Пиппа.

До нас снова доносится фыркание, но я не могу разглядеть, кто это, потому что все перекрывает стена из упаковок с презервативами. Болтать на английском – отстой. Неважно, в какой точке мира ты находишься, все равно все поймут, о чем ты говоришь.

– Эй! Мы прошли весь этот путь.

– Скорее, доползли, как черепахи. Было так невпечатляюще. И вы расстались через полсекунды после этого, – возражает Пиппа.

Точно. Пугающе точно. Не могу с этим поспорить.

– Что если мне никто не понравится? – Я сложила руки на груди.

– Тебе никто никогда не нравится, – вздыхает она. – Я не рассчитываю на то, что ты здесь влюбишься. Просто делай это ради удовольствия.

Человек по другую сторону уже вовсю смеется. Голос определенно принадлежит мужчине. Низкий и грубоватый.

Не хочешь ли покорн с маслом, приятель?

– Тебе нужно научиться работать в команде, Эвер. Это и есть твое испытание на всю поездку: оттянуться с абсолютно незнакомым человеком. Но без последствий. Никаких отношений, просто перепихон в другой стране.

Ну точно, тот парень уже достаточно наслушался о моей сексуальной жизни (или же ее отсутствии), я поворачиваюсь к Пиппе с убийственным взглядом.

– Я не буду трахаться с незнакомцем.

– Нет, будешь.

– Ни за что.

– Значит, мне придется уломать тебя сделать татуировку вместе со мной.

Устав от ее выходок, я со стоном отвечаю:

– Как скажешь. Я воспользуюсь одним. А ты иди пока раздобудь нам чего-нибудь перекусить. Мне нужно сделать звонок.

– Если ты звонишь Барби за эмоциональной поддержкой, можешь даже не стараться. Ты же знаешь, она всегда на моей стороне. – Пиппа упорхнула от меня, словно фея, оставляя за собой звездную пыль смеха.

Я достаю свой телефон из рюкзака и жду, пока на экране не отобразится хотя бы одно деление на значке сигнала мобильной связи.

Набираю маму. Она берет трубку на первом же гудке, хотя в Калифорнии сейчас ночь или что-то в этом роде.

– Эвер! – сказала она воркующим голосом. – Как там в Барселоне?

– Только прилетели, а Пиппа уже успела повздорить с местным жителем, купить презервативы и пыталась убедить меня сделать татуировку.

– Я так полагаю, ты в ужасе от всего этого? – в мамином голосе звучит улыбка.

– Ну мам, мы же все-таки не первый день знакомы.

– Что ж, для Пипперленда это в порядке вещей. – *Пипперленд = Пиппа + Эвер*. Мне так нравится, как она сложила два наших имени в одно. Барби Лоусон крутая мама.

– Уже соскучилась по тебе. – Впиваюсь зубами в нижнюю губу.

– На самом деле, – посмеиваясь, говорит она, – я не могу уснуть потому, что просматриваю твои старые фотоальбомы. Просто не верится, что мой ребенок сейчас по ту сторону моря, где-то в Европе, на девичнике.

Эх. Я не собираюсь плакать в отделе «Сексуального времени». Ни в коем случае.

– Сама поверить не могу, мам. Ладно, мне пора. Люблю тебя.

– И я тебя, до Луны и обратно.

На этом я заканчиваю разговор.

Только мне стоило убрать телефон обратно в задний карман, как тут же передо мной возникает тень и загораживает проход. Я поднимаю глаза. Это тот самый Курильщик с улицы. Все-таки Пиппа не ошиблась, он и правда горяч. Но так сразу и не заметишь. Кажется, он создан по моему вкусу. Нарисован резкими мазками угля, как персонаж манги. Он довольно высокий, внешне весьма привлекательный и художавый. Его поза напоминает поникший подсолнух. Голова наклонена вниз, как будто он изо всех сил пытается расслышать людей нормального роста. Глаза у него темно-синие, челюсть квадратная, а нос слегка длинноват и заострен. За счет умеренной формы носа его и без того безупречные черты лица выглядят наиболее выразительно. Это финальный и самый гениальный штрих природы, сделавший его одновременно притягательным и располагающим к себе.

– Водяные бомбочки, – невозмутимо произносит он с американским акцентом.

– Э-э, что?

Он кивком головы указывает на полку с презервативами. *Верно*. В голове крутится это нелепое предложение Пиппы использовать хотя бы один презерватив.

– Наполни его чем-нибудь и стукни ей по голове.

– Это подло, – говорю я.

– Подло? Нет. Справедливо? Да.

– Я не умею их делать. – Вынимаю пирсинг из-под носа. – Это же нечестно по отношению к ней.

Хочу, чтобы он обратил внимание на мой пирсинг. Сама не знаю, зачем я это делаю. Возможно, потому что на нем пара выцветших Levi's, подвернутые на лодыжках и поношенные кеды от Chucks. А может быть, потому, что у него взъерошенные темные волосы, футболка с надписью Anti Social Social Club: Applicant Need Not Apply¹ привлекают меня с таким же успехом, с каким вас привлек бы незнакомец в поезде, читающий вашу любимую книгу.

– Не думал, что мы тут меряемся своим моральным превосходством. – Его лицо расплывается в диковатой улыбке. Что-то внутри меня тает. В животе становится тепло и приятно. Боже мой! Теперь я понимаю, почему Пиппа помешана на парнях. Это почти как катание на американских горках после того, как набил рот буррито.

Я вдруг зациклилась на своих руках. Неужели они всегда были такими длинными? Такими тяжелыми и неуклюжими?

– Ты все это время подслушивал? – спрашиваю я, пытаюсь увидеть себя в отражении его глаз, в клетчатой юбке и с невероятно яркими рыжими волосами. Их цвет не сравнится даже с цветом идеально высушенного осеннего листа. А поскольку рыжеволосые составляют менее двух процентов всего населения Земли, то мне совершенно не хотелось бы их перекрашивать.

Он приподнял руку, указывая на небольшой пакетик в своей руке.

– Я пришел, чтобы купить это.

– Карандаш для губ? – Я вздернула бровь. – К своим накладным ресничкам, что ли?

В его улыбке проскальзывает темная нотка, которая так и зовет меня придвинуться ближе, заглянуть внутрь.

– Хорошо, – он пожимает плечами, – я зашел, чтобы высказать твоей подруге все, что о ней думаю, но остался ради зрелища. Поддай на меня в суд.

¹ Лос-анджелесский бренд уличной одежды, основанный Эндрю Буэнафлором, который известен под псевдонимом Ник Лурк.

– Прости за это, – с усмешкой говорю я. – Знаешь, Пиппа клевая. В том смысле, что иногда хочется заклеить ей рот скотчем, но в душе я все равно люблю ее.

– Как скажешь.

– Да, скажу. Буду повторять это, и не раз. Она моя лучшая подруга.

Где-то в подсознании понимаю, что веду себя крайне странно. Но я хочу продолжить нашу беседу.

– Вы с ней такие разные.

– С чего бы? С того, что она вся из себя такая Мисс Популярность, а я просто готка?

– Типа того, – сухо отвечает он.

Этот парень настоящий бунтарь. Не то что я со своим маленьким миленьким септумом в носу.

Затем он говорит:

– Простые смертные не бывают решительными. Из них никогда не выходит ничего хорошего. Простота в человеке равна комфорту.

– Есть ли где-то в этом предложении скрытый комплимент? – спросила я, прищурившись.

Его губы слегка приподнялись. Мне вдруг стало так легко на душе. Казалось, если он и дальше будет уделять мне свое одурманивающее голову внимание, я просто сдуюсь, как воздушный шарик.

– Ты хочешь, чтобы это было так?

Чувствуется, что, несмотря на его спокойный тон, он не так уж и невозмутим, как ему хочется, чтобы я в это верила. Мое сердце наотмашь ударяет по грудной клетке. Но поскольку надежда умирает последней, я стараюсь изучить его со всех сторон. Возможно, он явился сюда за моей шикарной, эксцентричной подругой, и скоро он отвернется от меня, пока будет ее обхаживать. Я провела бесчисленное количество ночей в неловких разговорах со случайными парнями, в то время как Пиппа всюду флиртовала. Обычно меня это не беспокоит, но на этот раз я знаю, что будет больно, если он захочет ее.

– Какую музыку слушаешь? – он меняет тему, кивая подбородком в сторону наушников, висящих у меня на плечах, как раз в тот момент, когда я спрашиваю:

– Так ты здесь в отпуске, или...

Мы оба смеемся. Сначала отвечаю я:

– Лучшую песню всех времен и народов.

– Never Gonna Give You Up Рика Эстли? – Он с комичным видом выпучил глаза.

Мы засмеялись еще больше.

– Не совсем, но ты попал в правильное десятилетие.

– Вызов принят. – Он потирает ладони. Видно, что его интерес разгорелся. – Ну-ка, посмотрим... – Он медленно обводит меня взглядом, впитывая, словно ответ написан где-то на мне. – Думаю, это Where Is My Mind? группы Pixies.

– Ошибаешься, друг мой. – Я разворачиваю к нему телефон, чтобы показать приложение iTunes, все еще пляшущее на моем экране. – Save a Prayer группы Duran Duran.

– Черт. Это действительно хорошая песня.

– Мама тоже ее любит. – Такое ощущение, что моя улыбка вот-вот расколется мое лицо.

– Теперь твоя очередь. – Он подносит свой телефон ближе, затем что-то там пролистывает и выбирает песню. – Ну-ка, что есть в моем iTunes...

– Назови мне любое десятилетие.

– Девяностые.

– Круг поиска не особо сузился. – Я опираюсь на стеллаж с лубрикантами. – Хочу похвалить за то, что ты не слушаешь что-нибудь вроде Smells Like Teen Spirit.

– Да брось. Лучше гадай в сторону Англии, – он улыбнулся.

Я хмурюсь, размышляя:

– Don't Look Back in Anger группы Oasis.

– Это твой окончательный ответ?

Нерешительно киваю.

– Да. – Он разворачивает свой телефон ко мне, и я вижу, что не ошиблась.

– Ух ты. Святое дерьмо. Неужели я повстречала мужскую версию себя?

– Как тебе это удалось? – спрашивает он, уже глядя на меня по-новому, как будто я преодолела какое-то испытание.

– Методом дедукции. В борьбе между Blur и Oasis, несомненно, побеждает группа, представляющая рабочий класс. О да, у них такие гитарные соло.

– Забавно найти англофила-американца... в Испании.

– Моя мама – англичанка. Что на это скажешь?

– Ну а моя не оттуда. – Он пожимает плечами. – Иногда просто рождаешься не в том месте. Не в том десятилетии. Или даже не в той эпохе.

– Как же мне это знакомо, – слышу я себя. – Теперь твой черед отвечать на мой вопрос.

Его лицо завораживает меня. Как будто я никогда в жизни не видела перед собой красивого человека. Такое поведение для Эверлинн не норма. Обычно, когда я пересекаюсь с другим человеком, то мысленно считаю минуты до того момента, пока не попрощаюсь с ним. Я не то чтобы ненавижу людей. Некоторые из них мне даже нравятся. Тем не менее я предпочту провести время за музыкой, с домашними животными и тщательно подобранными книгами. Эти трое меня никогда не подводили.

– Я... – не успевает начать Курильщик, как к нам в разговор врывается Пиппа, размахивая двумя пластиковыми пакетами в руках.

– Эй, гляди. Я накупила нам дохренища шоколада. Месячные, что поделать. У тебя они сейчас случаем не идут? С тех пор, как наши циклы начали совпадать, я чувствую, что я... – она замолкает, заметив Курильщика (как его зовут, кстати?). Теперь я еще больше стораю от стыда из-за того, что теперь он знает не только все мое сексуальное прошлое, но и все о моем менструальном цикле.

– ...Приветики. – Она в замешательстве склоняет голову набок.

Он сует руку в ее пластиковый пакет, достает оттуда шоколадку, срывает обертку и съедает все одним махом.

– Привет, похититель сигарет. – Пиппа разинула рот от удивления. – И что еще ты ешь таким образом?

– Лучше тебе не знать.

– А я бы и не отказалась, – она вызывающе улыбается ему.

Он изображает из себя скупающего плохого парня-звезду того типа, который убеждает подростков покупать постеры.

Глядя на них, мне не дает покоя мысль о том, что становлюсь свидетелем эпического момента влюбленности.

До меня вдруг доходит, что я совершенно, совершенно не хочу слышать от нее, как он целуется. Я не хочу умиляться и притворяться, что рада за нее, как только случится неизбежное и они переспят. Чем дольше они пелятся друг на друга, тем сильнее я чувствую на себе холодный пот. И это становится невыносимо. Тишина. Уже представляю, как они будут сидеть с Пиппой в приглушенном уголке какого-нибудь ночного клуба под медлячок Arctic Monkeys, а я буду сидеть и болтать ни о чем с одним из его приятелей.

Что случилось с простыми смертными, которые не бывают решительными?

Пиппа открывает рот, без сомнения, чтобы пофлиртовать с ним. Во мне что-то екнуло. Я хватаю ее за руку и оттаскиваю. Она, спотыкаясь, идет за мной, пытаюсь высвободиться. Но мной движет страх и мотивация.

– Ты что творишь? – возмущается она. – Уф, передо мной такой амбал, что я аж вся горю! Давай вернемся.

– Нет. – Кондиционер в аптеке буквально выдувает нас на улицу, на усаженную деревьями аллею. – Я не собираюсь позволять тебе поддаваться вожделению и срывать весь наш девичник, подстраивая свои дни под какого-то левого парня.

Именно это, по-видимому, и станет причиной нашего раннего отъезда. Я ей столько всего наговорила, а тут выпал такой шанс. Я его должна заполучить сама.

– Господи! Ты псих. Так вот почему ты это сделала? – Она останавливается, когда мы оказываемся на углу улицы, затем шлепает меня по руке. – Ты думала, будто я собиралась к нему приставать?

Мы уже отошли довольно далеко от аптеки. Я останавливаюсь, оглядываюсь по сторонам.

– Или это он собирался к тебе приставать? Без разницы, в общем. Ничего нового.

– А вот и нет, Лоусон, ведь когда я сказала, что он милашка, я это сделала для тебя. У вас с ним как будто одна душа на двоих. Никогда прежде такого не встречала. Вы улыбались, как два идиота, пока разговаривали. Хотела сделать так, чтобы вы обменялись номерами. Не каждый день видишь подругу настолько жизнерадостной.

Тут у меня перехватило дыхание.

– Так *вот* зачем ты это сделала?

Она бьет меня по руке одним из своих пакетов.

– Ну конечно, дуреха!

– Вы двое так уставились друг на друга.

– Он бросал на меня многозначительные взгляды, призывающие исчезнуть, – она засмеялась. – Он даже не скрывал этого.

Меня сейчас стошнит. По правде говоря, я уже это сделала, чуть-чуть, у себя в мыслях. Вот прям только что.

– Так почему же ты этого не сделала?

– Я хотела проследить за тем, чтобы он ничего не испортил.

– Ох, Пиппа.

– Не надо мне тут вздыхать. Беги обратно и дай ему свой номер!

– Вот так вот просто? – Я хлопаю глазами, замерев на месте.

Она приподнимает одно плечо.

– Для большего эффекта можешь сверкнуть ему своими сиськами.

Я буквально рассекаю воздух, как хищная птица. Врываюсь в аптеку, вертя головой из стороны в сторону. Если Курильщик спросит, почему я здесь, скажу, что потеряла бумажник. Прогуливаюсь по проходам. Проверяю туалеты. Захожу даже в фотобудку. Но Курильщика нигде не видно.

Внутри меня нарастает паника. А что если он ушел? Не похоже, что он действительно пришел сюда за карандашом для губ. А вдруг я его упустила? А что если это конец? Мне никогда в жизни теперь не узнать ни его имени, ни где он живет. Никогда не узнаю, кто ему больше по душе – Guns N' Roses или Nirvana (лучше бы он был за Guns N' Roses, иначе ему не поздоровится).

– Он пошел за тобой, – с сильным испанским акцентом произносит фармацевт за прилавком.

Я поворачиваюсь к нему.

– Правда?

– Да, он был быстр, – фармацевт виновато улыбается, – но ты быстрее.

Глава 2

На протяжении следующих полутора недель мы вкусно едим и пьем, смотрим достопримечательности. Еще мы заглянули на футбольный стадион Камп Ноу и прогулялись по магазинам одежды. Пиппа встречается с парнями в клубах, я хожу по магазинам, пока ноги не отвалятся. А парень по прозвищу Курильщик и вовсе стал уже выдумкой. Не уверена, что он существует где-то, кроме как в моей голове.

За четыре дня до вылета в Штаты мы сумели отыскать выгодное предложение на остров Гран-Канария и долететь туда на самолете. Во время полета Пиппа быстро подружилась с компанией каких-то американок, с которыми потом вместе и отправились на пляжную вечеринку в ночь перед отлетом.

На небе сияет огромная и чуть ли не белоснежная луна, нависая над головой, словно гигантский леденец. Песок, загорелый и прохладный между моими пальцами ног, отличается от светлых песчинок Сан-Франциско.

Я сижу перед костром, из динамиков льется поп-музыка. В этом месте порядка ста человек, все частично или полностью раздеты, выпивают и танцуют.

Пиппа где-то среди них. Она ушла двадцать минут назад с какими-то девчонками из Таллахасси на игру в переворачивание стаканчиков².

Я потягиваю пиво и думаю о Курильщике. Точнее, о том, как жестока и несправедлива жизнь. Все, что разделяет меня с ним сейчас, – это его полное имя. Я хочу превратиться в Гвинет Пэлтроу из фильма «Осторожно, двери закрываются». Я хочу успеть на поезд. Хочу, как она, повторить все сначала. Чтобы в этот раз сделать правильный выбор.

Рядом со мной я замечаю черный холщовый рюкзак. Из него вываливается блокнот. Похоже, его кто-то забыл. Брошенный на произвол судьбы, ищет нового хозяина. Мои пальцы так и тянутся к нему. «В жизни моей дочки не было ни одной книги, которую она не захотела бы прочитать», – нередко хвастается моя мама, и это чистая правда.

Я понимаю, чужое без разрешения брать не следует. Но искушение обвивает мои конечности, словно плющ.

Ну он ведь валяется тут, на пляже, полном людей, в раскрытой сумке. Если бы он был личным, его владелец носил бы его с собой.

Я решаю дать владельцу блокнота десять минут, прежде чем начать читать. Если он пошел в туалет, то будет шанс остановить меня. Ну а если владелец в каком-нибудь другом месте, что ж, в таком случае его не так уж и волнует, что кто-то прочтет блокнот.

Проходит десять минут, потом пятнадцать. Я подбираю блокнот и раскрываю его на случайной странице. Мое сердце бешено колотится. Чувствую себя воровкой. Он похож на какой-то журнал... или даже сочинение? Слова накладываются друг на друга, как будто они были написаны в жуткой спешке.

На часах два, и он решил, что сейчас спрыгнет. Может, прыжок – это все, что осталось сделать. И не слишком ли это убого, что одна его личность не хочет прыгать, потому что боится реакции своего босса, увидев, что завтра он не появится на работе?

Но в этом как раз и проблема. Именно по этой причине он и оказался здесь, на этой крыше. Он так усердно работал, чтобы заработать себе на жизнь, что совсем забыл о том, каково это – жить. Теперь эта заезженная фраза на дешевых кружках в мелких магазинчиках довела его до самоубийства.

² Это командная питьевая игра, в которой игроки должны по очереди осушить пластиковый стаканчик с пивом, а затем перевернуть стакан так, чтобы он упал.

У него был шанс, но он его упустил.

Надо было бежать за ней быстрее. И настигнув ее, он схватил бы ее за блузку, не заботясь о том, что с ней станет.

И он бы сказал ей, что она само совершенство.

Но он этого не сделал и теперь вынужден совершить последний прыжок. Прыгнуть... или предпринять что-то еще.

Сделать еще что-то более масштабное.

Собрать чемодан и уехать в Новый Орлеан. Искать ее.

У меня глаза на мокром месте. Это похоже на коротенькую историю. Или вступление к какому-нибудь роману. Я переворачиваю страницы, желая узнать больше, но на меня смотрит множество пустых страниц.

На мое плечо опускается рука, отчего я резко поднимаю голову.

– Никакого чтения, мисс!

Пиппа напилась так, что не стоит ровно. Я вздыхаю с облегчением, потому что это не владелец блокнота. Но также испытываю разочарование – по той же причине.

– Пошли. Столкнись с дерьмом лицом к лицу. Поживи немного. – Пиппа швыряет блокнот на песок, затем тянет меня за собой и, танцуя, направляет нас к группе людей. Вокруг собрался хоровод из загорелых тел, зажав меня со всех сторон. Я переставляю ноги из стороны в сторону, чувствуя себя неловко, словно кожу, в которой я нахожусь, только что пришили ко мне. Я пытаюсь угадать, кому же принадлежит блокнот. Той девушке с локонами? Или парню с татуировками на груди?

Отдаляюсь от Пиппы. Она танцует со своими новыми друзьями, напевая песни прямо им в лицо.

Я направляюсь к морю. Вдоль берега есть лишь один безлюдный участок. Замираю. Внимательно рассматриваю знаменитую статую Нептуно де Меленара. Это четырехметровая скульптура Нептуна, возвышающаяся над морем, неподалеку от побережья. Вода вокруг нее цвета синего металлика, она так мерцает под звездами. Я окунаю туда ногу. Вода совсем не холодная. Я могла бы добраться до статуи вплавь. А плавать я отлично умею: мы с братом выросли на серфинге. Ренн (его имя означает «возрожденный» или же «маленький, но преуспевающий») даже построил на этом карьере.

Тихий голосок внутри меня говорит, что я веду себя как тупица. Что лезть в незнакомый водоем в кромешной тьме – распространенная ошибка новичков. Но скульптура всего лишь в сотне метров от меня, а за спиной жаркая тусовка. Упустить такое из виду было бы трудно.

Я выскальзываю из своего платья. Бреду в воду. Резкими движениями плыву к Нептуну. Вода здесь уже беспокойная и намного холоднее, чем я думала. Меня уносит течение. Вот этого я не ожидала. Снаружи море выглядело таким тихим. Изнутри я чувствую, что оно несет меня за собой, как бы я ни старалась плыть прямо. Подняв голову, чтобы определить, как далеко я нахожусь от статуи, я обнаруживаю, что нахожусь примерно в пяти метрах в стороне от нее.

По моей коже пробегают мурашки. Очевидно, я в опасности.

Разворачиваюсь и резко меняю курс. В этот момент огромная волна швыряет меня о большой камень. Я отталкиваюсь от него ногами, но тут же снова налетаю на него. Соленая вода попадает мне в рот, и я немного глотаю. Страх перерастает в панику.

Не размахивайте руками. Пусть течение унесет вас, а потом оцените обстановку еще раз.

Все эти вещи я хорошо знаю – слышала о них в летних лагерях. Но теперь, когда я сама попала в такую ситуацию, впадаю в панику. Зову на помощь.

А что если я утону? Что если я умру? Они никогда не найдут мое тело. Неужели Пиппа подумает, что во всем виновата она? Неужели я и ей испорчу жизнь? Стоп, а мне вообще не все равно? Это ведь она настаивала, чтобы я пришла сюда сегодня.

Мам. Мама. Мамочка.

Папа и Ренн, возможно, смогут такое пережить, но мама уж точно не выдержит.

Мне нельзя умирать. Осознав это, я начинаю бороться и понимаю, что я слабачка.

Течение здесь сильное. И все же я пробиваюсь вперед, изо всех сил стараясь удержать голову над водой и разглядеть берег. Но вот очередная волна обрушивается на меня, отбрасывая на несколько метров. Я позволяю ей увлечь меня за собой, вытягиваю шею и оглядываюсь на окружающую меня темноту. Проходит несколько секунд, прежде чем я понимаю, что волна поднесла меня ближе к берегу. Передо мной мелькает тонкая золотая цепочка из огней. На меня накатывает чувство облегчения. Тогда я начинаю плыть. Все мои мышцы горят, тело дрожит, но адреналин заглушает боль. Я словно русалка, уплывающая от пиратов, жаждущих меня выпотрошить.

Чем ближе я подбираюсь к берегу, тем острее чувствую, как внутри меня крепнет надежда. Вдруг сверху меня хватает чья-то пара рук и тянет за подмышки. Я становлюсь вялой и тяжелой, когда кто-то прижимает меня к себе, как в медовый месяц, и приваливаюсь к теплой сухой груди.

– Ты ее держишь? – спрашивает некто, звучащий по-испански и с прокуренным голосом.

– Ага.

– Она жива или?..

– Я не знаю, – другой голос принадлежит американцу. – Помоги мне отнести ее к тому дереву, осмотрим ее.

Через несколько мгновений я уже завернута в теплое одеяло. Я слишком измотана, даже не могу раскрыть глаза. Под закрытыми веками я могу видеть, как на мое лицо светят фонариком.

Я поморщилась.

– Пожалуйста, хватит.

– Как долго ты находилась в воде? – интересуется испанский голос.

– Семь-восемь минут, – еле выдавливаю из себя. Глаза по-прежнему закрыты. Я чувствую, как меня обхватывают руки. В обычной ситуации я бы отшатнулась, но в этих руках, обнимающих меня, есть что-то особенное. Как будто я вернулась домой.

– Ты наглоталась воды? – произносит испанский голос мне в лицо. Он пахнет жеваным табаком и пивом, и от его дыхания веет теплом.

– Не слишком, – выдавливаю из себя еще немного.

– Тебе больно?

– Нет-нет. Просто... вымоталась.

– Ну давай же, открой глаза, *chavala*³.

Мои глаза распахнулись. Загорелый мужчина с белой, как у овечки, бородой и фонариком сверлит меня взглядом.

– Все в порядке, – говорю я. Начинаю шевелить руками, ногами, вращать шеей из стороны в сторону. У меня перехватывает дух, я в шоке, но, кажется, все цело. Я просто испугалась.

– О, нет. Не я тебя спас. – Он качает головой. – Ему скажи спасибо. – Он указывает своим испачканным ногтем на того, кто держит меня. Я выворачиваю голову так, чтобы рассмотреть его, но у меня начинает кружиться голова.

Не настолько, чтобы не заметить кое-что важное.

Кульминацию моей поездки.

³ Милочка (*исп.*).

Меня держит Курильщик.
И не похоже, что он собирается меня отпускать.

* * *

Курильщик спас меня.

Он здесь, на острове Гран-Канария. На той же пляжной вечеринке, что и я. Вот это совпадение.

Я ущипнула себя за руку, чтобы убедиться, не глюки ли у меня. Да нет, он все еще здесь, только у меня теперь еще и синяк. Заметив это, он сдерживает улыбку. Я качаю головой. Возможно, у меня сотрясение. Но он выглядит таким реальным, таким живым, таким теплым, пока обнимает меня.

Несколько секунд мы только и делаем, что смотрим друг на друга. Мы сломали систему. Так бывает только в кино.

Я бессознательно провожу рукой по его щеке. Это последняя попытка удостовериться, что он не плод моего воображения. Его кожа грубая и горячая. Как я еще сама не вспыхнула при виде него? И пусть я не в состоянии понять, что вообще происходит, сейчас я чувствую себя гораздо более живой, чем минуту назад.

– Ты. – Курильщик сжимает мою руку в своей. Его голос становится хриплым. Он и сам не знал, что это я. Пока наши глаза не встретились, он и не догадывался, что это я была в воде.

– Как... – прошептала я в ответ, – как тебя зовут?

Неизвестность все это время убивала меня. С самого первого нашего знакомства я не переставала думать о его имени.

– Джо.

– Джо... – я пробую его имя на вкус. *Джо!* Старина Джо. Такое скромное, незамысловатое имя. Я немного разочарована его родителями. Это все, что они смогли придумать? Неужели они не догадываются, насколько необыкновенный и уникальный у них сын?

– Спасибо, что спас меня, Джо.

Испанец, которого я уже совсем позабыла, машет ему, встает и направляется к набережной, исчезая в людской толпе. Оглянувшись вокруг, я вспоминаю, что мы по-прежнему являемся частью большой вселенной. Мы под деревом, в тихом уединенном месте. Вечеринка до сих пор в полном разгаре. Все начали танцевать лимбо.

– А тебя как звать? – спрашивает он.

– Эвер. – Я убираю руку с его лица, понимая, что лапать незнакомцев не принято. – Эверлинн.

– И тебе спасибо, что спасла меня, Эверлинн.

– В смысле? Я же не спасала тебя, – отвечаю я ему.

– *Пока*, – его улыбка медленная, дразнящая и кричит о неприятностях. – Теперь ты моя должница. А я о таком не забываю.

– Я рада, что мы снова встретились, – успеваю сказать я, пока не забыла. – Меня волнует один важный вопрос, который мучает меня с тех пор, как увидела тебя.

Он недоуменно хлопает глазами, ожидая продолжения. Делаю глубокий вдох и говорю:

– Guns N' Roses или Nirvana?

Он запрокидывает голову назад и смеется:

– Что за вопрос такой?

– Да ладно тебе, не сложный, если иметь хороший вкус в музыке, – я улыбаюсь.

– У Нирваны мне нравится Lithium и Smells Like Teen Spirit, и в принципе больше ничего.

Ну а Guns N' Roses – живые легенды.

Я тупо уставилась на него. Его вкусы в точности, как у меня. Как мы можем думать об одном и том же?

– Как я справился? – Джо вздернул брови.

– Вкусы у тебя подозрительно хорошие, – признаюсь я. – Наверняка у нас возникнут кое-какие разногласия в плане музыки, но пока мы настроены на одну и ту же волну.

Наступает недолгое молчание. Мы просто наслаждаемся тем, что смотрим друг на друга. Дышим в одном ритме, тесно прижавшись друг к другу.

– Так что ты делала в воде, Эверлинн? Помимо того, что чуть не довела меня до инфаркта в девятнадцать. – Джо бережно убирает мокрые волосы с моего лица.

Он на год старше меня. Мое сердце забилося, подобно сердцу красавицы, согласившейся на свой первый званый ужин. Мне все равно, что мое тело переживает выброс адреналина. Это радостно, обнадеживающе и глупо.

– Я хотела взглянуть на статую вблизи. – А затем, поняв, что что-то не так, я спрашиваю: – На мне все еще только лифчик и трусики?

– Ага, а еще внизу все просвечивает, – заверил меня он, подавляя улыбку.

Закрыв глаза, я шепотом добавляю:

– Когда я представляла себя в твоих объятиях голой, все это выглядело по-другому.

Уши мои горят. Не понимаю, с чего я так перед ним откровенничаю. Ведь я никогда не высказываю то, что у меня на уме. Особенно чужим людям. А незнакомым парням тем более. Но Джо кажется знакомым.

– Ты представляла себя в моих объятиях голой? – Он вопросительно поднимает бровь.

– Хм, может быть, раз или два.

– И ты посчитала, что лучший способ намекнуть мне на это – убежать без оглядки при нашей первой встрече?

В его голосе чувствуется раздражение. Отголоски того, что когда-то было гневом.

– Я думала, вы с Пиппой понравились друг другу. Я не могла вынести даже мысли о том, чтобы смотреть на вас двоих... ну, не знаю, заигрывающих друг с другом. Потому что ты мне понравился. Никто в жизни мне так не нравился. Я вернулась через несколько минут, чтобы отыскать тебя.

Я все еще нахожусь в его объятиях, завернутая в пушистый клетчатый плед оранжево-фиолетового цвета.

– Ты правда думала, что я запал на эту простую смертную? – Кажется, он удивлен... и даже немного самодоволен.

– Ну да.

– Смею спросить, ты меня приревновала в тот момент?

– Я взываю к 5-й поправке⁴.

– Мы сейчас не в Америке, – отмечает он.

Я пожала плечами.

Хочу, чтобы он признался, что ему нравлюсь я, а не Пиппа. Вместо этого он говорит:

– Я тоже за тобой пошел.

– Мне сказал фармацевт. – Я киваю.

– А теперь ты оказалась здесь.

– А теперь *ты* оказался здесь. – Я приподнимаюсь и поворачиваюсь к нему так, чтобы как следует рассмотреть его. Моя задница натывается на что-то на песке, и я вытаскиваю это из-под себя. Тот самый черный холщовый рюкзак, который лежал у костра сегодня вечером. Я поднимаю его. Мои пальцы дрожат. Дыхание перехватывает.

⁴ Пятая поправка к Конституции США предоставляет право на надлежащее судебное разбирательство, право не свидетельствовать против себя, гарантия частной собственности.

– Так вот оно как.

– Странная реакция на рюкзак, – он хмурится, – а ну-ка поподробнее.

– Я тут прочитала немного твой рассказ. – Протягиваю ему рюкзак, чувствуя, как краснею. – Прости, не смогла удержаться. Это было...

– Ужасно?

– ...волнующе, – отвечаю одновременно с ним.

Он настороженно смотрит на меня, барабаня своими длинными пальцами по коленям.

– Над ним еще нужно поработать, но основа уже есть, я думаю. Собственно, поэтому я здесь и нахожусь, в Европе. Чтобы написать роман.

– Ты не можешь написать роман в Америке? – мой вопрос прозвучал как обвинение. Похоже, он задержится здесь надолго, а я вылетаю домой уже меньше чем через сутки. Отличная работа, судьба.

– В общем-то, могу, – он бросает рюкзак рядом с собой, – но мне нужно было уехать. Последние пару десятилетий жизнь дома была напряженной.

– Тебе девятнадцать, – замечаю я.

– А ты неплохо считаешь. – Он подмигнул. – Да у меня с самого рождения жизнь не задалась.

Выходит, у него одна из тех самых семей, которая не придерживается милых рождественских традиций и не катается вместе на серфинге. Такая семья, где мама с папой не танцуют медленный танец посреди кухни. Ничего похожего на мою.

Я провожу большим пальцем по своему подбородку.

– На этом поподробнее.

– Хорошо, но только тогда, когда у нас будет больше времени и закончатся веселые темы для разговора. А сегодня давай оставим наши проблемы за дверью. – Он убирает еще один влажный локон с моего лба. Это самое романтичное и душераздирающее, что со мной когда-либо делали. Это еще куда более романтично, чем когда Шон отвез меня на бал, а потом в отель «Ритц-Карлтон». В ту ночь я лишилась девственности и того слабого интереса, который у меня был к парням.

– По рукам? – спрашивает он.

– По рукам.

– Никуда не уходи, – предупреждает Джо. – Пойду принесу твое платье. Бежевое же, да?

Он встает и счищает песок с джинсов. Немного песка попадает мне в глаза, но я слишком поражена, чтобы придавать этому значение.

– Ты заметил меня? Я имею в виду, раньше?

Он взъерошивает волосы, ослепляя своей сногшибательной улыбкой.

– Я хотел подойти, пока ты была у костра. Но друзья сказали мне не беспокоиться. Что ты мне привиделась. Кажется, за последние пару недель я видел тебя как минимум десять раз, а может, и нет. Воображение разыгралось. – Он стучит себя по голове.

Радость захлестывает меня. Я поступала точно так же. Мысленно представляла его среди толпы.

– Потом я услышал, как ты в море звала на помощь, и сомнений не осталось. У тебя голос горячей девчонки. Тебе надо озвучивать книги или что-то в этом роде. Не уходи, – повторяет он, направляясь за моим платьем, оставляя меня со всей этой информацией и моим сердцем, застрявшим в горле.

Вдоволь насладившись его комплиментами, я использую время, чтобы распутать волосы и стереть с глаз потекшую тушь. Будет непросто соблазнить его, учитывая, что я похожа на кикимору болотную. Он вернулся, держа в руках мое платье и сумочку, в которой я храню деньги и телефон. Кладет их рядом со своим рюкзаком.

– Спасибо тебе, – говорю я.

– Чувствуешь себя лучше? – Он плюхается на землю рядом со мной.

– Гораздо. – Я просовываю руки в рукава, быстро одеваюсь. Мое тело бледное и стройное, усыпано веснушками везде, куда только дотянется солнце.

– Отлично. Я встретился с твоей подругой у костра, сообщил ей, что ты со мной и что с тобой все в порядке.

– И что она сказала?

– Что я тоже ничего так, – невозмутимо ответил он.

Я рассмеялась.

Мы наверстываем упущенное за последние пару недель. Я рассказываю ему о Барселоне, Джо – о Севилье и Мадриде. Он приехал сюда еще с тремя друзьями. Все четверо – из Бостона. В конце недели остальные члены его группы разъедутся по своим колледжам. Джо пробудет в Испании еще немного, а затем отправится в одиночку путешествовать по Европе в надежде закончить свою книгу.

– В планах еще Румыния, Польша, Венгрия, Италия и Франция. – Он по пальцам пересчитывает страны. – Я все уже распланировал, включая проживание в хостелах и ночлежках, в которых буду останавливаться. На все это у меня уйдет не больше четырех месяцев.

Четыре месяца? Он не может находиться на другом континенте в течение четырех месяцев. Он не должен оставаться одиноким и до ужаса привлекательным столько времени. Нельзя вот так просто продолжать жить, как будто нас никогда не существовало.

Ему это, может, и под силу, а я ничего не могу с этим поделать.

Пряча свое беспокойство, я принимаю решение не поднимать тему о нас. Разговор протекает плавно, несмотря на то, как я сокрушаюсь от разочарования. Я рассказываю ему о своем детстве в Сан-Франциско. О Ренне и его серфинге, о маминной галерее в Кастро. Он в свою очередь рассказывает мне о своем воспитании. В его семье двое родителей-католиков, один родственник и океан нерешенных проблем.

Потом я рассказываю ему о своем творчестве.

Там-то я и рассчитываю, что он начнет от меня шарахаться. Не каждый день встретишь восемнадцатилетнего подростка, который занимается дизайном надгробий в качестве хобби.

– Это не так жутко, как кажется. – Я облизываю губы, уже приготовившись обороняться.

– Ты же проектируешь надгробия, а не детей убиваешь, чтобы заработать на жизнь. – Его глаза сверкают весельем. – Но я уверен, что за этим стоит интересная история.

– Когда мне было лет восемь, моя двоюродная сестра Шона погибла во время несчастного случая на лодке. Ей было всего пятнадцать. Мама хотела, чтобы я присутствовала на похоронах, но папа решил, что мне еще рано. Они долго ссорились по этому поводу. В конце концов, они оставили решение за мной. Я хотела пойти, ведь мы с Шоной были очень близки. Тогда я впервые попала на кладбище. Помню, как смотрела вокруг и думала: «Все эти надгробия смотрятся как-то одинаково. Да как такое может быть? При жизни мы так сильно отличаемся друг от друга. Почему же тогда после смерти наши личности превращаются в ничто?» Через несколько месяцев мы с мамой заехали освежить цветы на ее могиле. У Шоны было самое прекрасное надгробие из всех. При виде него у меня захватывало дух. Ее мама потратилась на настоящее произведение искусства. Ангел из гранита, обнимающий сердце. Это навело меня на мысль: персонализированные надгробия – чудесный способ проводить человека в последний путь, понимаешь? Мы живем в мире, где все подстраивается под нас: наша одежда, матрасы, автомобили. Почему бы и тут не создать нечто уникальное? Что-то, что символизирует человека, которого предали земле?

– И что ты потом делаешь со своими эскизами? – От моего рассказа Джо не выказывает никаких признаков беспокойства. Я почти уверена, что его измеритель жути сломан. Но, вероятно, это просто еще одно сходство между нами.

– В основном я храню их при себе. Чтобы изготавливать надгробия для людей, нужно учитывать их личные качества, а просто размышлять о том, что близкие тебе люди когда-нибудь уйдут из жизни, – это... ну, высшая степень психоза. Поэтому я проектирую их для покойных знаменитостей и все такое. Немногие слышали через знакомых о том, чем я занимаюсь, и спрашивали о расценках. А я отдавала им эскизы бесплатно. Не знаю, найдется ли спрос на то, что я делаю... Я просто знаю, что делаю все правильно.

Джо дергает за подол моего платья, только чтобы установить физический контакт.

– Люди всегда ищут охренительные вещи.

– А что, если я не охренительная?

– Ты еще какая, – заявляет он, уверенный, как взошедшее солнце. – Если бы ты была посредственной, ты бы не крутилась у меня в голове.

Я вспоминаю слова из его романа.

«Надо было бежать за ней быстрее.

И он бы сказал ей, что она само совершенство».

Глухой ритм музыки, доносящийся с вечеринки, заставляет землю под нами вздрагивать. Чувствую, что мое тело находится в гармонии с его, и могу предчувствовать его следующие движения. Я ощущаю его дыхание в собственных легких.

– Итак. – Его колено прижимается к моему.

– Итак. – Мой локоть натывается на его.

– Ты все-таки воспользовалась тем презервативом? – спрашивает он.

Я закрываю лицо руками. Моя кожа пылает от стыда. Качаю головой, глядя на него между пальцами.

Он пытается поймать мой взгляд, наклоняет голову вниз.

– Значит, это «нет»?

– А зачем тебе знать?

– Знания, как говорится, – сила.

– Тебе совершенно необязательно об этом знать. – Меня будоражит мысль о том, что ему не все равно, но в то же время мне стыдно, что я не сдержала пари Пиппы.

– Не сужай круг моих интересов, милая. Между прочим, мне это весьма интересно. Даже книгу на эту тему напишу. И не одну, поверь. – Он трясет кулаком в воздухе.

В ответ на это я разражаюсь хохотом:

– Это ненормально.

– Что ненормально?

– Ты. Я, – показываю пальцем между нами, – вот это вот все.

Здесь больше нечего сказать, правда. Это наводит меня на следующий вопрос, чтобы заполнить тишину:

– А ты сам ими пользовался за все время, пока был в Испании?

– Обещай, что не разочаруешься, – он вздыхает. Я киваю, уже все понимая. Я не должна воспринимать это так, будто он мне изменил. Но тем не менее по-другому чувствовать это сейчас не могу.

– Ни разу, – говорит он, – ни одним.

Бью его по руке и ворчу:

– Тогда почему ты просил меня не разочаровываться?

– Разумеется, чтобы проверить, ревнуешь ли ты.

На этот раз нет смысла отрицать, что я ревновала.

Вдалеке звучит песня Boys of Summer, кавер группы Ataris, мой любимый. Люди поднимают руки вверх и поют. Над головой разливается рассвет. Вода мерцает розовым золотом. Наше время почти истекло.

– Так на чем мы остановились? – спрашиваю я.

- На Испании, – говорит Джо, – а если конкретнее, то на презервативах.
– Еще не поздно воспользоваться одним, – я облизнула губы, – презервативом, имею в виду.
– Хмм. – Он откидывается назад, опираясь на локти. Выглядит каким-то взвинченным.
– Ты думаешь о том же, о чем и я? – Я прикусываю нижнюю губу.
Он неровно дышит.
– А то. Воды здесь достаточно, чтобы наполнить ею нашу резинку.
Прежде чем я успеваю рассмеяться, он наклоняется вперед и целует меня.

* * *

Поначалу мы просто целуемся. Происходит небрежный обмен слюной между двумя подростками, жаждущими безудержной страсти. Наши языки встречаются и сплетаются вместе в танце, поддразнивая и пробуя друг друга. На вкус Джо как океанские брызги, лето и сигареты.

Затем его пальцы обхватывают мою шею сзади, и поцелуй перерастает в настоящую схватку. Джо сильно прижимается к моему рту. Это чертовски грубо. Он прикусывает меня зубами, стонет и отрывисто дышит. Мы обвиваем друг друга словно плющ. Я касаюсь его волос, мускулистых рук, его потрясающих кубиков пресса под рубашкой. Джо опускает меня на землю под пальмой, обхватывает мои бедра сзади и прижимается своей эрекцией к моему центру. Его член дергается между нами. Я затаила дыхание, сердце учащенно забилось, и теперь я поняла. *Поняла, поняла, поняла.* До меня дошло, что такое «помешательство на парнях». Джо – парень. Он сводит меня с ума.

Прижимаюсь спиной к песку, и о, сладкое забытие, как же я хочу почувствовать его внутри себя. Чтобы заполнил каждый дюйм меня. Чтобы мы слились воедино. Именно так я и мечтаю, чтобы ко мне прикасались. Шон чуть ли не сдавливал мою грудь, словно пытался выдоить меня. Джо же поглаживает большим пальцем мой упругий сосок через лифчик, пока его жаркие поцелуи спускаются к моей шее, а затем и к груди. Он расстегивает мой лифчик. Берет один из моих сосков в рот, дразняще покусывая его.

– *Эвер.*

Я обхватываю его ногами. Мы ласкаем друг друга сквозь одежду, испытывая наслаждение от нежнейшего трения и от того, как наши зубы погружаются в новую кожу. Наши ароматы переплетаются, создавая уникальное и пьянящее сочетание. Затем Джо достает из бумажника презерватив и вопросительно протягивает его между нами.

– Никто тебя не заставляет, – голос у него хриплый, немного севший, – мы можем остановиться хоть сейчас, но даже в этом случае я буду чувствовать себя самым счастливейшим мерзавцем на свете.

Я знаю, что он серьезно. Знаю, что не рассердится, если я вдруг решу, что не хочу продолжать. В отличие от Шона, который бронировал номер в «Ритц-Карлтон» с расчетом – а точнее, с молчаливым соглашением – на то, что в пакет услуг будет входить секс. Скорее всего, именно поэтому я порвала с ним через неделю, сославшись на большое расстояние между нами.

– Я приняла решение. – Трясущимися руками я вскрываю упаковку, надеясь, что не повредила само изделие.

Протягиваю руку вперед и неуклюже надеваю его на головку. Джо навалился на меня сверху, его мускулистые руки как две колонны обхватывают мои плечи. Мы оба заворуженно следим за неуверенными движениями моих пальцев. Требуется четыре попытки на это, и, хотя мы оба огорчены, никто из нас ничего не говорит.

– Он развернут целиком? – спрашиваю я.

– Все хорошо. Ты готова? – Джо ловит мой взгляд. Его глаза, темно-синие с серебристыми пятнышками, – самая отличительная его черта.

– Да, – я уже вся вздрагиваю от удовольствия, – готова.

Он снова прижимается ко мне. Первые несколько секунд мы просто обнимаемся, глядя друг другу в глаза. Кажется, мы оба в шоке от происходящего.

– Это всегда так? – прошептала я.

Он прекрасно понимает, о чем я спрашиваю, потому что качает головой и говорит:

– Нет, Эвер. Такого никогда еще не было. Это... – он наклоняет голову и целует мочку моего уха, – это рай. За это можно умереть.

Наши тела движутся синхронно. Мы двигаемся под одну и ту же беззвучную песню. Во мне все покалывает. Джо весь покрывается мурашками. Мы растворяемся друг в друге, кажется, целую вечность. Порыв ветра разметает мои волосы по лицу, а Джо сдувает их, покрывая меня поцелуями снова, снова и снова.

– Кажется, я сейчас кончу, – произношу я. Такое у меня впервые. С парнем, во всяком случае. Но его движения так приятны, и он попадает в самую нужную точку внутри меня.

– Ох, слава богу, – он опускает голову в изгиб моей шеи, набирая темп, – я тоже.

Мы падаем друг другу в объятия как раз в тот момент, когда выглядывает солнце из-за ровной голубоватой линии Атлантического океана. Все здесь переливается розовым и оранжевым, и кругом тишина.

Именно тогда мы понимаем, что издалека больше не доносятся звуки музыки и разговоры.

Вечеринка окончена.

И мое время с Джо тоже.

* * *

– Шестнадцать часов лететь, да? – Джо застегивает пуговицы на своих «Левайсах». – Тяжеловато, конечно.

Ненавижу это. Светские беседы. Я впервые возвращаюсь к реальности с тех пор, как снова встретила его. А реальность такова, что я только что занималась сексом с совершенно незнакомым человеком, который спас меня от гибели. С человеком, который вот-вот снова станет чужим после того, как мы попрощаемся.

– Пустяки. У меня с собой Kindle и наушники. – Я пожала плечами.

На этом этапе следует предложить обменяться имейлами, номерами телефонов или аккаунтами в социальных сетях. Да чем угодно. Неужели я ничему не научилась за последние две недели? Тосковала по этому парню, как по родному месту, и теперь вот так просто позволю ему уйти?

Но что-то останавливает меня. Гордость? Страх? Смесь того и другого?

Я спускаю платье ниже талии и собираю волосы в неаккуратный пучок.

– Во сколько вылетаешь? – Джо засовывает ноги в свои набитые песком «Чак Тейлоры».

– В два часа дня. У нас будет всего час, чтобы попасть в аэропорт Эль-Прат.

– У тебя еще полно времени. – Он перебрасывает рюкзак через плечо.

– Ну да. Я как-то об этом не переживаю. – Я ищу в сумочке свой телефон и смотрю, нет ли пропущенных звонков. И точно, Пиппа звонила мне одиннадцать раз.

От мамы пришло сообщение:

Я по тебе соскучилась! Увидимся дома. Уже готовлю твою любимую запеканку. *Чмоки*

Я поднимаю глаза и устало улыбаюсь ему. Одна часть меня не может дождаться, пока я окончательно не покину Джо и не расплачусь, а другая не хочет отсюда уходить, никогда.

– Что ж, – отдаю ему честь, – мы чудесно сегодня провели время.

– Погоди. – Джо достает из рюкзака «Полароид», направляет его на мое лицо и делает снимок. Белый блок неразличимых теней выползает изо рта камеры.

– Окей, это было жутко.

– Ах, да. Забыл тебе сказать. Я убийца с топором.

– Теперь, когда ты об этом заговорил, ты действительно на него похож, – подраживаю я его.

Он размахивает фотографией взад-вперед, держа ее за краешек.

– Я провожу тебя.

Проводит меня? Но зачем? Я что, теперь не в состоянии самостоятельно передвигаться? Мое настроение портится все больше и больше. Я злюсь. Злюсь из-за своей трусости. Злюсь на беспринципного Джо. Только мне известно, что на самом деле он не такой. Он не использовал меня в эту ночь. Мы просто нашли общий язык и получили массу удовольствия от ночи без обязательств. Пиппа права. Почему должно быть что-то еще?

– Не волнуйся. Я отсюда вижу Пиппу. – Я указываю на группу девушек, стоящих на краю набережной, со смехом растирающих руки от утренней прохлады.

– Звучит здорово, – говорит он.

Здорово!? Звучит ужасно на самом деле. Останови меня, черт возьми.

– Так что, э-э, пока? – Я быстро поворачиваюсь, пока он не увидел наворачнувшиеся на глаза слезы.

– Пока, – слышится его голос, пока я бреду к тропинке из плиток.

Первая слеза скатывается по моей шее и исчезает в ложбинке моей все еще пылающей груди. Вторая следует вплотную за ней. Я хочу обернуться. Хочу бежать обратно к нему. Хочу солгать ему, что я не против, если он захочет повеселиться в Европе, при условии, что он вернется ко мне домой через четыре месяца. Я понимаю, что меня беспокоит даже не моя гордость. Я боюсь того, что, если признаюсь ему в своих чувствах, он мне откажет. Это вызывает во мне глубокую печаль. Тем не менее сейчас, на пути к своей прежней жизни, остается крошечная вера в то, что у нас все еще есть шанс. Что, может быть, он будет искать меня и каким-то образом найдет. Я цепляюсь за эту надежду, как за спасательный круг.

– Эверлинн! – доносится его голос позади меня. Я оборачиваюсь так быстро, что голова идет кругом. Он стоит не там, где я его оставила. К слову, нас разделяет не больше пяти метров. Он все это время шел за мной. Я быстро вытираю слезы.

– Это глупо! – кричит он, раскрывая руки и недоверчиво смеясь. – Я не хочу прощаться. Нас ведь никто не заставляет.

– Ты остаешься, – ветер развеивает мой голос по воздуху, словно листья. Кажется, будто мое сердце хочет вырваться из груди и броситься к нему.

– Ты уезжаешь, – отвечает он мягко, как бы говоря: «Никто в этом не виноват». *Это все просто дерьмовое везение.*

– Я не хочу уезжать, – признаюсь я.

– Я тоже не хочу вот так оставаться. – Он опускает голову, чтобы скрыть то, что написано в его глазах. И как же мне сейчас хочется запечатлеть его на камеру именно таким: красивым, неотразимым и моим. Мой поникший подсолнух.

– Дать тебе свой номер? – предлагаю я.

Он поднимает глаза и радостно улыбается:

– Обязательно, жди от меня звонка.

– Эй, Джо.

– Да, Эвер?

– Какое у тебя самое любимое открытие всех времен в плане Англии? Только не говори, что это Эмилия Кларк.

Он смеется. Мне будет очень не хватать этого смеха.

– Всемирная паутина, также известная как Интернет. Тим-Бернерс-Ли-красавчик-точка-ру. А у тебя?

– Шоколадный батончик, – говорю я, не задумываясь.

Мы устремляемся друг к другу, образуя единое целое. Он обнимает меня. Его губы находят мои, и мы целуемся, и целуемся, и целуемся. Я хочу пустить корни в этот песок. Хочу стать деревом с ветвями и целоваться с этим парнем.

Джо слегка отстраняется. Он берет мой телефон и вбивает в него свой номер. Он записывает себя как «Джо Бойфренд». Я смеюсь и плачу одновременно. Я ведь даже не знаю его фамилии. Я уже собираюсь спросить его, когда он похлопывает себя по переднему и заднему карманам.

– Черт. Оставил свой телефон в номере, – он распахивает рюкзак, достает блокнот и вырывает из него листок с текстом. Это самая романтичная вещь на свете. – Диктуй мне свой номер. Я запишу его и сохраню, как только вернусь. Пожалуй, лучше даже тату на руке сделаю. Какой твой любимый шрифт? Не говори Times New Roman. Это настолько безвкусный шрифт, что нам придется расстаться.

– Cambria, – заверила я его.

– Прекрасный выбор, дорогая.

Я записываю свой номер, затем перечитываю его по несколько раз, чтобы убедиться, что все правильно. Впрочем, какая разница. Я позвоню ему, как только вернусь домой. Скорее, я напишу ему, когда приземлюсь, чтобы сказать, что со мной все в порядке. Теперь он мой парень.

Мать Божья. Я возвращаюсь домой с бойфрендом. Мама будет просто в шоке. Ренн задразнит меня до смерти.

Джо кладет записку с моим номером себе в передний карман, берет край моего платья и притягивает меня к себе.

– Черт, я буду скучать по тебе, – шепчет он мне в рот, снова впиваясь в него.

– На стену буду лезть, пока ты где-то в Европе, – я обхватываю его руками за плечи.

– Я заеду в гости, как только вернусь, – обещает он, целуя меня в нос, лоб, подбородок. – Пока что договорись со своими родными. Курящий, еще и с неоконченным высшим образованием, без работы и перспектив – мечта не каждого родителя.

– Ты бросил учебу?

– Никогда не поступал. Но так даже лучше, не правда ли? Как будто я попробовал.

Снова смех, снова поцелуи, прежде чем я слышу знакомый крик.

– Так вот ты где! Фух, я думала, он тебя убил! – голос Пиппы все ближе к нам. Я отстраняюсь от Джо. Она ступает босыми ногами по песку, слегка проваливаясь в него с каждым шагом. – Как мне объяснить это твоим родителям? Они бы меня убили.

Джо кладет руку мне на плечо. Пиппа останавливается и переводит взгляд с одного на другого. Ее улыбка чеширского кота говорит о том, что она справилась со своим минутным гневом.

– Я вижу, что здесь происходит, негодяи.

– Ничего не происходит, – ехидно отвечаю ей.

– Если все и правда так, как я думаю, то я приму такой ответ. Закругляйтесь, голубки. Нам нужно успеть на самолет.

– Пять минут, – торгуется Джо.

– Напомни еще раз, кто ты такой? – Пиппа вздернула бровь. – У нас не было возможности как следует познакомиться.

– Это Джо. – Я делаю жест в его сторону, как Ванна Уайт, с важным видом открывающая букву в шоу «Колесо фортуны». – Мой парень.

– Твой парень... – вторит Пиппа с усмешкой.

– Ее парень. – Джо крепко прижимает меня к себе. – Береги ее для меня, пока я не вернусь, подруга.

– На дворе двадцать первый век. Она сама может постоять за себя. Но я это сделаю, придурок. У тебя двадцать минут. – Она погрозила мне пальцем. – И поскольку я замечательная, понимающая подруга, за которую ты готова отдать свою почку (если она мне когда-нибудь понадобится), и поскольку я уверена, что ты сегодня все же использовала презерватив (за что нам еще предстоит с тобой выпить), я сейчас вернусь в отель, соберу наши вещи и освобожу наш номер. Встретимся здесь же через некоторое время.

– Пип, ты лучшая.

– Знаю-знаю. – Она встряхнула волосы. – Но приятно, когда тебе об этом напоминают.

Следующие двадцать минут мы с Джо целуемся, обнимаемся, обещаем друг другу звонки, письма и небо, полное звезд. Потом за мной приходит Пиппа, и я урываю еще несколько минут, потому что если мне все равно когда-нибудь придется отдать ей почку, то чувствую, что могу провести еще немного времени с Джо. Затем, наконец, мы прощаемся.

Когда мы садимся в такси и едем в аэропорт, я поражаюсь тому, что произошло за последние двадцать четыре часа.

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

И Пиппа оказалась не права. Этой ночью мы с Джо использовали не один презерватив.

А целых два.

Глава 3

Шесть лет спустя

Локи сбежал.

Я пришла к такому выводу после того, как нигде не смогла его найти. Обыскала обе наши с Норой комнаты, заглянула за диван, под кровати, в шкафы и даже в тумбочки.

Я стараюсь держать себя в руках, что практически невозможно даже без нависшей над моей головой катастрофы. Я говорю себе, что есть не так уж много мест, где может спрятаться шестикилограммовый старый кот. Особенно в крошечной двухкомнатной квартире.

Но Локи никогда раньше так не делал. Не исчезал от меня вот так. Ни разу такого не было с тех пор, как я взяла его из приюта в свою первую (и последнюю) неделю жизни в Бостоне.

Нора говорит, что у моего кота характер короля-тирана. Вредный, громогласный и с тремя подбородками, Локи предпочитает ограничивать свою тактику холодной войны писанием в ботинки, если оставить его надолго одного. Только он никогда не выходит из дома.

Не выходит отчасти потому, что мы живем в самой настоящей дыре. Это переоборудованный одноэтажный дом, разделенный на три квартиры на Апхэм-стрит в Салеме. Две из них используются как склад нашего арендодателя, вероятно, потому, что не нашлось такого дурака, который захотел бы жить там. Столбы электропередачи опутывают небо моего района, как паутина. Здесь повсюду цепи и лающие собаки и совершенно нечего исследовать. Со своего обычного наблюдательного пункта на подоконнике у Локи нет причин полагать, что мир – это его устрица. Во всяком случае, мир, вероятно, предстает перед ним как очень неаппетитный цветок брокколи.

– Только не падай духом, детка. – Нора вылетает из своей спальни в прихожую, собирая резинкой свои шелковистые светлые волосы. На ней мешковатые джинсы с высокой талией и укороченная розовая рубашка. – Я уверена, он где-то поблизости. Может быть, он сбежал из дома и не знает дорогу обратно.

– Очень утешительно, – отвечаю я с каменным выражением лица.

– Да ладно, ты ведь понимаешь, о чем я. Он же все-таки кот. А коты всегда приземляются на лапы.

Я смотрю на нее с сомнением. Нора знает, что оптимистичность не по моей части. Достаточно любого пустяка, чтобы я укуталась в одеяло и не вылезала из него до тех пор, пока мне не нужно будет выйти на работу.

Она вздыхает:

– А ты не пробовала посмотреть снаружи? В той же прихожей, например? Или возле парка?

По пути к двери Нора засовывает ноги в кроссовки. Она уже опаздывает на сеанс в кино со своим парнем Кольтом. Мне и самой пора собираться на работу.

– Пока нет. Нет. Не за пределами дома. – Я ловлю себя на том, что ищу Локи в тех местах, которые уже проверяла. Я не хочу искать его снаружи. Что-то подсказывает мне, будто если он вышел из дома, то его уже нет в живых. И от этого возникает желание просто исчезнуть с лица Земли. Именно не умереть, а... перестать существовать на этом свете.

– Нужно разместить пост о нем на Facebook⁵ и Craigslist. С фотографией. – Нора хватается за сумочку со стойки рядом с нашей входной дверью. Я слышу сигнал клаксона. Это Кольт.

⁵ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

Она бросает на меня извиняющийся взгляд. – Прости, что вот так тебя оставляю. Кольту не терпелось поскорее посмотреть этот фильм. Там играет Марго Робби, сама понимаешь.

Я мотаю головой.

– Ничего страшного. Думаешь, если я размещу объявление, это поможет?

– Лишним точно не будет. Помнишь Лорен, которая работает на ресепшене в церкви Сент-Мэри? На днях у нее пропал французский бульдог. Она написала о нем на Craigslist и уже через день получила ответ. Собаку нашли в парке недалеко от ее дома. Стоит попробовать.

– Так уж и быть, – говорю я. – Размещу.

Нора дважды отправляет мне воздушный поцелуй и машет рукой.

– Дай мне знать, если тебе что-то понадобится. И напиши, если найдешь Локи. До скорого!

Если... У меня скручивает живот.

Когда она уходит, я начинаю ходить вдоль и поперек улицы, заглядывая во все мусорки и дворы. Когда выясняется, что кота поблизости нет, я возвращаюсь домой, включаю ноутбук и захожу на Craigslist. Сообщество у нас там не слишком активное. Салем сам по себе город небольшой. Несмотря на всю свою богатую историю и репутацию, здесь проживает не больше сорока пяти тысяч человек.

Нажимаю на раздел «Бюро находок», затем бегло просматриваю его. Некоторые из опубликованных питомцев все-таки нашлись, других же до сих пор ищут. Нора права. Попытка не пытка. С момента пропажи Локи прошло всего несколько часов. Но даже этого времени достаточно, чтобы он сумел убежать из нашего района.

Создаю аккаунт, затем роюсь в телефоне в поисках фотографии Локи. Что особенно смущает, так это что большинство моих фотографий на телефоне – с ним. Вот что бывает, когда у тебя нет ни парня, ни друзей, ни семьи, ни жизни в целом: ты становишься кошатницей в свои двадцать четыре.

Я стараюсь выбрать самую удачную фотографию Локи. На одной из них он смотрит прямо в камеру с серьезностью самонадеянного герцога. Сидит он на нашем подоконнике, демонстрируя свои мохнатые складочки на подбородке. Загружаю фото на сайт, затем пишу краткий комментарий:

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ. Пропал без вести 20 октября.

Пол: самец, кастрирован.

Цвет: черно-белый. Также может иметь черный кожаный ошейник с шипами. Откликнется на Локи или Лулу. Не хватает маленького клочка на левом ухе.

Я уселась поудобнее и смотрю, что получилось. Читается нормально. Очень точно и наглядно. Но мне хочется большего. Хочется, чтобы все знали, что Локи – не просто кот. Домашние питомцы ведь не просто животные. Они – наша семья. Поэтому я приписываю:

Пожалуйста, дайте нам знать, если вы его обнаружите. Мы очень скучаем по нему. Спасибо.

«Мы» – это я. Локи – мой кот. Нора взяла его под свое крыло, потому что мы с ним были единым целым. Мы с ним оба бродяги и оказались здесь по ее милости. Мы словно заблудшие души, скитающиеся по свету без всякой на то причины.

И вот Нора, с ее великодушной улыбкой и еще более великодушным сердцем. Мы живем в одной комнате уже почти пять лет, и я прекрасно понимаю, что Нора готова открыть следующую страницу своей жизни. Она хочет переехать к Кольту.

Каждую неделю я пытаюсь набраться смелости и сказать ей, что она вполне спокойно может переезжать, что со мной все будет в порядке. Только вот все ровно наоборот: я без нее не справлюсь. На самом же деле я не так уж и в порядке. Обычно я чувствую себя как цветок, срезанный со стебля, наполовину увядший. Еще не умер, но не способен расти дальше.

Я щелкаю мышкой. Объявление опубликовано. На всякий случай дублирую его в Facebook⁶.

Поверить не могу, что мне сейчас нужно идти на работу.

Стоп. Работа. Совсем забыла про нее. Гляжу на часы, висящие на нашей крошечной кухне с открытой планировкой, – семь сорок пять. *Вот черт.*

Я несусь в свою комнату, спотыкаясь об одну из пищущих игрушек Локи, на ходу запрыгиваю в длинное черное платье, подбираю к нему накидку – черную снаружи, бордовую изнутри. Затем натягиваю кружевные черные перчатки, цепляю к голове ведьмин колпак и зашнуровываю ботинки. Расстегиваю сумку, чтобы убедиться, что у меня с собой есть все необходимое.

Выбегаю из квартиры так, будто у меня в заднице горящая петарда, сажусь в машину и не сбавляя скорости мчусь на работу. К счастью, по пути туда мне попался лишь один красный сигнал светофора. На моем телефоне, валяющемся на пассажирском сиденье, высвечивается сообщение. Я поворачиваю его к себе, чтобы увидеть текст.

Пиппа: Как же сильно я по тебе скучаю, сучка. Я еще не поставила крест на нас. Перезвони потом.

Ненавижу, когда она так делает.

Ненавижу, когда она пытается сделать вид, что я осталась для нее старой доброй Эвер.

Будто бы ничего не произошло.

Будто бы моя жизнь прекрасна. Друзья, семья, светская жизнь.

Я открываю сообщение, затем удаляю его.

Тебе и не обязательно его ставить, Пип. Я уже поставила его ради нас обоих.

* * *

Спустя 15 минут я вступаю на импровизированную трибуну на Эссекс-стрит, затем прочищаю горло.

Не то чтобы я хорошо лажу с публикой (на деле же я ненавижу публичные выступления в любом их виде), дело в том, что подвергать себя чему-то, что я абсолютно ненавижу, доставляет мне извращенное чувство удовольствия. Как я уже говорила, я заслуживаю любого наказания. Почему бы не добавить к этому частые и действующие мне на нервы встречи с людьми?

Сегодня вечером как раз много народу. В очереди около пятидесяти человек, предельно допустимое количество на одну экскурсию. Я настраиваю свою беспроводную гарнитуру и улыбаюсь болезненной, широкой улыбкой, от которой у меня почти трескается кожа. Вижу, что привлекла всеобщее внимание своим уродливым нарядом и рыжими ведьминскими волосами.

– Добрый вечер всем и добро пожаловать на «Ночной тур по Салему». Меня зовут Эверлинн, и сегодня я буду вашим гидом. – Вспышки фотокамер ослепляют меня. Я пытаюсь продолжить речь и в то же время чувствую, как моя душа покидает тело. Всегда ненавидела, когда меня фотографируют. Это какой-то кошмар.

⁶ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

– Сегодня я собираюсь рассказать вам кое-что из истории Салема, включая рассказы об охоте на ведьм в 1692 году и эксгумации тел людей, которые, как считалось, превратились в вампиров – ура, чахотка! – Я триумфально выбрасываю кулак вверх, заставляя людей смеяться. – Также мы поговорим об убийствах, призраках, проклятиях, гражданской войне. В общем, обо всем самом интересном!

Я вызываю очередную волну хихиканья у своей аудитории. Собирище туристов со всего штата и подростков, ищущих способ скоротать время. Изначально я переехала из Сан-Франциско в Бостон в надежде устроиться в библиотеку. Но прожив буквально неделю в шумном мегаполисе, я поняла, что все это перебор. Все слишком огромное, серое и мрачное. Везде все было дорого, забито доверху и раскуплено. Бостон ощущался как Сан-Франциско, только без столь радужных перспектив, сквозь которые я воспринимала свой родной город. После того как я бросила Калифорнийский университет в Беркли и уехала, возвращение в Калифорнию спустя несколько недель после моего побега казалось чем-то излишним. Поэтому я переехала в Салем. Казалось, этот городок был создан специально для меня.

Мрачно? Да.

Пропитано историей? Конечно.

Холодно? Хмуро? Полно колдовства и кладбищ? Все в точку.

– Но давайте обо всем по порядку, – заговорщически усмехаюсь я, – мне нужно знать, кто здесь еще учится в школе и желает произвести впечатление на своего учителя истории?

Как и следовало ожидать, поднялись десятки рук.

– Знали ли вы, что рабство было частично отменено в Массачусетсе восьмого июля 1783 года, почти за столетие до Гражданской войны? Существует очень интересная история об этом.

Слышатся вздохи и шушуканье. С этого и начинается экскурсия по городу, которую я собираюсь провести в общей сложности за полтора часа.

Я смеюсь, отвечаю на вопросы, обращаю внимание слушателей на то, что стоит сфотографировать, и рассказываю, какие фильтры лучше всего подходят для этого. Однако я чувствую, что будто не присутствую с ними. Мои мысли заняты Локи, котом-предателем, который решил меня бросить.

И Пиппой, которая сейчас находится за три тысячи километров от меня, в Калифорнии, где до сих пор не может понять, почему я исчезла в один прекрасный день, вскоре после того, как влюбилась в Джо.

* * *

Вернувшись домой, я обнаруживаю, что Норы нет. Вероятно, сегодняшнюю ночь проведет у Кольта. В последнее время она зачастила с поездками туда. А я, как правило, сижу в обнимку с Локи и смотрю фильмы, которые сейчас в топе Netflix. Только сейчас Локи нигде не видно. Давящая боль в груди напоминает мне, что я в полном одиночестве. Телефон, прожигающий дыру в кармане моего плаща, напоминает мне, что я должна быть одна.

Я включаю ноутбук и проверяю электронную почту, после чего – Facebook⁷. Новых уведомлений нет. Сердце замирает, но я все равно проверяю Craigslist, посланный мне в наказание. Там тоже ничего.

Иду неслышным шагом на кухню, наполняю стакан водой из-под крана и запираю входную дверь по пути в свою комнату. Потом забираюсь под одеяло и кладу телефон на тумбочку экраном вниз. Засыпаю от переизбытка мыслей.

⁷ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

Через четыре часа срабатывает будильник. Сегодня моя смена на другой работе, буду продавать колдовские сувениры в местном магазинчике. Конечно, не лучший вариант работать в двух местах, но это нужно, если я хочу накопить денег и однажды чего-нибудь добиться в своей жизни. А чего конкретно добиться, я пока не знаю. Я не уверена, хватит ли у меня смелости хоть чем-то заниматься. Но сбережения позволяют мне надеяться, что моя жизнь не была полностью спущена в унитаз. По крайней мере, у меня есть план, поэтому все, что мне нужно сделать, это понять, какой дорогой пойти, как только я накоплю достаточно денег.

Первым делом после чистки зубов я заглядываю в ноутбук, чтобы посмотреть, нет ли откликов на Craigslist. Появился один. В личных сообщениях. Мое сердце мечется внутри, как бешеное. Кликаю на сообщение.

ДоминикГ: Здравствуйте! Похоже, ваш кот у меня на балконе, развалился на кресле.

Локи? Развалился? Разве ему не страшно? И тут мне приходит в голову, что этот парень может оказаться каким-нибудь извращенцем, заманивающим девушек к себе в жилище.

ЭверлиннЛ: Спасибо за сообщение. Не могли бы вы прислать фотографию?

Я встаю, чтобы хоть как-то размять свое тело, затем иду на кухню и делаю себе кофе. Мне не сидится на месте. Я вся на взводе. Даже забываю положить сливки и сахар в кофе, прежде чем вернуться к ноутбуку в гостиной.

ДоминикГ отправил вам вложение. Я открываю его. На экран выплывает фотография картины. Какого-то замерзшего озера.

ЭверлиннЛ: Очень смешно. Я имела в виду фото кота.

ДоминикГ: Вас трудно удивить. Секундочку.

Он отправляет еще одно вложение. Моля господу, чтобы это не была фотография члена, открываю ее, и, конечно же, это сам Локи во плоти (или, скорее, в меху). Сидит на балконе, в роскошном глубоком кресле с откидывающейся спинкой и подставкой для ног. Все это, похоже, снято в престижной многоэтажке где-нибудь в центре города. Он вызывающе смотрит в камеру. Должно быть, это и правда он, потому что я узнаю его подбородки, еще и кусочка от левого уха не хватает. Девушка в приюте говорила мне, что другой пожилой кот разорвал ему ухо в тот день, когда я его забрала к себе. Собственно, это и было одной из причин, почему я выбрала именно Локи. Мне было безумно приятно, что у нас с ним есть что-то общее. Нас обоих в жизни малость потрепало.

Стоп-стоп-стоп... он добрался до центра города?

ЭверлиннЛ: Вы живете в центре?

ДоминикГ: Ну да.

ЭверлиннЛ: Вы что, просто... проснулись и обнаружили его там?

ДоминикГ: По правде говоря, я вернулся домой поздно вечером и услышал скрежет со стороны балкона. Когда я открыл дверь, он равно напоил его молоком (ему же можно, да? У меня просто никогда не было кошки, но я знаю, что обычно они любят такое. В основном из мультфильмов). Он ночевал где-то в моей квартире. А сегодня, когда я проснулся, он снова

начал царапать балконную дверь. Выпустил его наружу. Там он уже и прохлаждается последние несколько часов. Кажется, ему здесь нравится. Потрясающие виды и много солнца.

Я хочу верить этому парню. Какова вероятность, что он проник в мой дом, чтобы украсть кота, и ждал, пока я напишу об этом на Craigslist, чтобы затащить меня к себе? Если бы у него были какие-нибудь странные идеи, он бы убил меня в моей собственной квартире. Или похитил меня вместо кота. И не оставил никаких свидетельств в интернете, переписываясь со мной. Ясно, надо завязывать с подкастами о настоящих преступлениях. Когда надолго остаюсь в одиночестве, мой разум улетает в ужасные дебри.

ЭверлиннЛ: Можно его забрать?

ДоминикГ: Можно и даже нужно.

ЭверлиннЛ: Мне нужно дождаться, пока моя соседка по комнате и ее парень пойдут со мной (без обид, но я не могу рисковать тем, что ты убийца с топором).

Я вспоминаю шутку Джо про убийцу с топором шестилетней давности, словно это случилось вчера, и меня затошнило.

ДоминикГ: Через пару часов у меня начинается смена, так что полдень не подходит (да я и не обижаюсь. Хотя, возможно, если бы я и был убийцей, то выбрал бы в качестве оружия не топор. Пачкаться не хочу. А вот яд, это уже другое дело...).

Я ловлю себя на мысли, что улыбаюсь, впервые за долгое время. Вопреки себе же самой. Этот парень неплохо шутит. Да и знаками препинания владеет. И то и другое мое маленькое темное сердечко может оценить по достоинству. Все же решаю рискнуть. Он кажется нормальным. Если откроет мне дверь и будет выглядеть отталкивающе, я смоюсь (прости, Локи).

ЭверлиннЛ: Хорошо. Тогда могу ли я его забрать сейчас?

ДоминикГ: Да, дайте мне двадцать минут.

ЭверлиннЛ: Благодарю.

ДоминикГ: Захватите пончики по пути сюда.

ЭверлиннЛ: Что, простите?

ДоминикГ пересылает мне копию моего же объявления.

ДоминикГ: Здесь же так написано: «ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ». Пончики – вот мое вознаграждение.

Меня обнадеживает его странная просьба. Ни один убийца, о котором я когда-либо слышала, еще не оставлял на месте преступления опустошенную коробку «Данкиз». И да, я все-таки наслушалась чересчур много жутких подкастов.

ЭверлиннЛ: Ок. Возьму самые дешевые.

ДоминикГ: Только с глазурью. Настоящие, а не как в забегаловках. Никакой клубничной глазури или шоколада.

ЭверлиннЛ: Заметано. Только не будьте убийцей с топором.

ДоминикГ: Ничего не обещаю.

Глава 4

Доминик живет на исторической улице Честнат. Это лишний раз доказывает, что он, как любит выражаться мой отец, парень пробивной.

В переписке Доминик упоминал, что он возвращается поздно ночью. Готова поспорить, что он из тех парней, кто ходит по клубам.

Я подхожу к его зданию и звоню в дверь. Это многоквартирный комплекс черного цвета, который выглядит роскошно и в то же время сдержанно. Он торчит посреди улицы из красного кирпича, как больной палец: гигантский современный средний палец.

Доминик открывает мне дверь через домофон, но не отвечает, когда я ему набираю сама. Я съежи-ваюсь, балансируя коробкой с пончиками в руке. Если я их все же уроню, моя смерть окажется весьма печальной. Поднимаясь в лифте, пишу Норе коротенькое сообщение о том, что кто-то откликнулся на мой пост в Craigslist и я уже забираю Локи по этому адресу. Звучит сигнал прибытия лифта. Я запихиваю телефон в задний карман джинсов и выхожу на нужном этаже, направляясь к квартире номер 911, с самым неожиданным числом из всех.

Стучу в дверь. Она распаивается моментально, будто меня давно уже ждали.

А человек, стоящий за ней, прямо-таки чудовищно, дико, жутко безупречен.

Доминик смотрит на меня глазами цвета мрамора. В них смешались серый и голубой. Эти два цвета словно соперничают между собой. Его волосы коротко и аккуратно подстрижены. Геометрия его лица столь точная, столь красивая, что он выглядит совсем как представитель другого биологического вида. И впрямь даже более совершенного, чем люди. Он из тех красавцев, кто способен затмить своей красотой всех, еще и заставит чувствовать себя ничтожеством на его фоне. Если бы мне пришлось описать его конкретнее, я бы назвала его двойником молодого Алена Делона.

Кроме того, он одет в зеленую хирургическую форму.

Так вот почему он вернулся посреди ночи, а я-то голову ломала. Вернулся поздно не оттого, что тусовался в клубе, а лишь потому, что он был занят спасением жизни.

– Здравствуй, ЭверлиннЛ. Стой, не входи пока. – Он выхватывает коробку с пончиками из моих рук и одаривает меня милой улыбкой с ямочками на щеках. – У нас здесь ситуация с заложником. Мне нужно убедиться, что мои требования были выполнены в полном объеме.

– В полном, в полном, – говорю я с каменным лицом. – Вложенные в пачки сахара.

Доминик разворачивает коробку и видит шесть глазированных пончиков для себя и два пончика в шоколаде с посыпкой для меня.

Он поднимает глаза, хмурится.

– Мои потрясающие пончики соприкасаются с твоим шоколадом.

– Да не будь ты таким перфекционистом.

– Я не люблю шоколад.

– Скажи мне, что ты социопат, не сообщая мне, что ты социопат, – говорю я, закатывая глаза.

– О нет, меня только что раскусили, – по лицу Доминика скользнула довольная ухмылка. – Самое время заманить ее в ловушку, пока она не вызвала копов.

– Возможно, тебе стоит в следующий раз сначала подумать, прежде чем произносить такое вслух. Ты что, не читал «Серийные убийства для чайников»?

– Это входит в мою учебную программу на следующий год. Я всего лишь убийца-первокурсник. Проходи.

После такого обмена репликами я заметила, что мое беспокойство улетучилось. В Доминике чувствуется нечто среднезападное, всесторонне доброе. Я следую за ним внутрь, все еще не выпуская телефон из рук.

– Сюда. Он все еще на балконе. – Доминик приглашает меня пройти за ним. Квартира у него небольшая, но опрятная. В ней пахнет свежей краской, нетронутыми книгами и чистящими средствами, которые обычно используют в отелях.

Я даже узнаю некоторую мебель из ИКЕА, столик Lack и диван Klippan. Типичные элементы мебели тех, кому двадцать с лишним лет.

Мне легко восхищаться Домиником по той же причине, по которой мне нравится его квартира. Что один, что другая – оба великолепны, беспроеигрышны, но не в моем вкусе. Не то чтобы у меня был определенный вкус к мужчинам. Просто я ни с кем не встречалась после Джо. Но кое-что в идеальности Доминика меня отталкивает. Я уверена, что он чувствует то же самое по отношению к моей заурядности. Такие парни, как он, рано или поздно женятся на девушках с красивыми ножками, ярко выраженными скулами и сезонным педикюром.

Он распахивает балконную дверь, по-прежнему не выпуская из рук пончики, и я оказываюсь один на один с моим маленьким предателем. Локи медленно, неторопливо моргает в мою сторону. Мое присутствие его ничуть не тревожит.

Не прошло и года, – протяжно мне говорит одно только выражение его морды. – *Уже успела досмотреть последний сезон «Бриджертонов», еще и без меня?*

– Знаешь что, дружище? Я и сама от тебя не в восторге.

Ненавижу его за такое отношение ко мне. И вообще, да, надо было остаться дома и досмотреть сериал, а не тащиться за ним сюда. Я опускаю на пол переноску для животных, которую принесла с собой, и киваю в ее сторону подбородком.

– Праздник кончился, приятель. Залезай.

Локи продолжает глазеть на меня, не сдвинувшись ни на дюйм. Я делаю шаг ему навстречу.

– Я бы не стал этого делать, – предостерегающим голосом говорит Доминик сзади меня. – Если он сумел найти путь в мою квартиру через балкон, он может попытаться там же найти и выход, вдобавок еще и покалечиться.

Он прав. Доминик живет на девятом этаже.

– Ты всегда все продумываешь? – Поворачиваюсь к нему.

– Всего лишь в девяносто процентах случаев. – Он разворачивается и идет внутрь. – Побудь здесь.

Доминик исчезает на кухне и вскоре появляется снова, но уже с банкой тунца. Он показушно вскрывает ее. Я вижу, как глаза Локи забавно загорелись. Доминик кладет банку с тунцом в переноску для животных, стоящую у его дивана.

– Чувствуй себя как дома, Эверлинн! Я принесу тебе кофе, и мы сможем уничтожить ту коробку с пончиками. Как только Локи прорвется и попадет внутрь, ты сможешь закрыть его.

Гениальный ход. Я молча киваю ему в знак благодарности. Не теряя времени даром, Доминик включает кофеварку.

– Какой кофе тебе? – доносится его голос из кухни.

– Две ложки сахара, сколько угодно сливок, ну и корица, если есть. В основном люблю побольше сливок, чем сам кофе.

– Так и знал, что ты откуда-то из ада вышла, – произносит он со смешком.

Я присаживаюсь на край дивана и наблюдаю за Локи, который облизываясь смотрит на свою переноску. Он явно не прочь полакомиться. Доминик возвращается с двумя чашками кофе. Мою он ставит на подставку. Ну и ну! Это взрослый поступок. Кстати, сколько лет этому парню?

Он открывает коробку с пончиками, берет себе один с глазурью и целиком запихивает его в рот.

– Итак! – радостно восклицает он.

– Итак. Сколько тебе лет? – Я отпиваю немного кофе. Совсем не против узнать его возраст. Пиппа и Нора твердили мне, что дальше коробки с пончиками дело не пойдет. Судя по всему, соблазнять парней – не мой конек.

– Только недавно исполнилось двадцать девять. А тебе?

– Двадцать четыре. – Я поднимаю свою кружку вверх в знак тоста. – С прошедшим тебя.

– Спасибо, что не говоришь в лицо, о чем на самом деле думаешь.

Я сдерживаю улыбку:

– И о чем же именно я, по-твоему, думаю?

– Что я старый пердун.

– Насчет *пердуна*, конечно, ничего пока не могу сказать.

От этого он рассмеялся. А его легко развлечь.

– Чем по жизни занимаетесь, ЭверлиннЛ? – Доминик откидывается на спинку кресла, которое я видела на фотографии. Он сидит довольно далеко от меня. Это показывает, что он и правда не извращенец.

– Зови меня Эвер. Работаю экскурсоводом, провожу «Ночные туры по Салему» и тружусь на полставки кассиром в колдовском магазине. А ты, ДоминикГ, чем занимаешься по жизни?

– В таком случае зови меня просто Дом. Я фельдшер. Работаю в местной больнице. Если конкретнее – в отделении детской онкологии.

– Вау, Дом, – говорю я, уже по-настоящему улыбаясь.

– Спасибо, *Линн*. – Он подмигивает мне. – Приятно чувствовать себя особенным.

Имя Линн мне не по душе, но какое это имеет значение? Не похоже, что мы когда-нибудь встретимся снова. Он может называть меня Пруденс, мне все равно.

Все это время я боялась, что он убийца, а он в итоге спасает жизни детей, пока я рассказываю скучающим туристам всякие страшилки. То осмысленное занятие, которое раньше характеризовало меня – проектирование надгробий, – перестало быть таковым, с тех пор как... ладно, неважно. Я просто больше этим не занимаюсь. Мой вклад в этот мир сводится к воспитанию неблагодарного кота, который, видимо, не хочет быть моим. Я ощущаю себя неполноценной рядом с этим парнем.

– Теперь чувствую себя виноватой за то, что наплела тебе гадостей, – говорю я. – Извини, что повела себя как последняя дура во время нашей переписки.

– Что ж, тогда тебе повезло. – Он отхлебнул еще немного кофе.

– Повезло с чем? – Я нахмурилась.

– С тем, что я тот еще придурок.

Я чуть не померла со смеху, когда это услышала, а ведь такое со мной бывает нечасто.

Мы общаемся еще немного. Рассказываю ему, что я родом из Сан-Франциско. Он там никогда не был. А Доминик поведал мне, что родился и вырос в Массачусетсе и что живет здесь без малого всю свою жизнь. Говорит, что хотел найти работу в Кембридже, однако в местной больнице открылась вакансия, так что после окончания университета ему не пришлось долго выбирать.

Дом рассказал мне, что его коллега, женщина по имени Сара, посоветовала заглянуть на Craigslist, чтобы посмотреть, не ищет ли кто-нибудь Локи в разделе «Бюро находок». В противном случае Дом никогда бы не догадался это сделать. Я благодарна судьбе за то, что Сара вообще существует на этом свете.

Время от времени я украдкой поглядываю на Локи. Каждый раз он на сантиметр-другой ближе к переноске. Аромат тунца становится невыносимым. Настолько, что мы с Домом бросаем есть пончики, потому что все вокруг начало пахнуть и ощущаться как рыбные консервы.

Становится совершенно ясно, что у нас с Домом нет ничего общего. Мы до смешного разные. Он любит боевики и блокбастеры; среди моих любимчиков – «Донни Дарко» и «Вечное сияние чистого разума». Он обожает суши и морепродукты, я же предпочитаю «Макдо-

налдс» и «Тако Белл». Дом занимается функциональным многоборьем, а у меня... многоборье с людьми, которые говорят мне, что пора бы мне заняться собой. Он – завсегдагай спортзала, библиотеки, местного книжного клуба и (кто бы мог подумать!) хора, в то время как я выхожу из дома лишь для того, чтобы подзаработать денег или спустить их на вредную еду.

– Ты прямо-таки подчеркиваешь мои скудные амбиции. – Я допиваю кофе и ставлю свою чашку на место. – Да ты как... мотивационная речь из интернета, только в образе человека.

Дом хихикает:

– Ничего не могу с этим поделать. Я хочу схватить жизнь за яйца. Боюсь показаться банальным, но сегодня первый день твоей оставшейся жизни.

– Тогда уж и последний тоже, – замечаю я, лучась изнутри словно солнце.

Он салютует мне своей чашкой кофе.

– Вот еще одна веская причина для того, чтобы наслаждаться моментом.

– А существует ли эта причина вообще? – философствую я. Меня такое расслабляет: разговаривать с кем-то, кто так не похож на тебя, что даже не приходится притворяться обворожительной. – Ибо если нечто неминуемо кончится – в данном случае, наши жизни, – с какой целью вообще это все затевать?

Дом уже было собрался ответить мне, как вдруг нахмурился и посмотрел мне за спину.

– Линн?

О как же я *не буду* скучать по тому, что меня так называют.

– А?

– Лаки только что влез в твою переноску.

Не стала поправлять его, говоря, что кота зовут Локи. Я оборачиваюсь, сажусь на корточки и ловким движением захлопываю дверцу переноски, запирая ее на замок. Локи в знак протеста издает истошное мяуканье, но через несколько мгновений я слышу, как он мурлычет, уплетая тунца. Этот кот – тот еще фрукт. Ему нужно на ошейнике выбить надпись: «*За закуску продам свои принципы и планы на будущее*».

Я вскакиваю на ноги. Теперь, когда Локи в безопасности, а в квартире Дома больше не пахнет тунцом, я могу идти.

– Огромное спасибо, Дом. Я в большом долгу перед тобой.

Я скидываю запястье, чтобы посмотреть время на своих Apple Watch. Они достались мне от Норы, которая решила, что они будут стимулировать меня к ежедневным похождениям по десять тысяч шагов. На деле же часы только подчеркивают мой образ жизни в 2393 шага. Замечаю, что мы с Домиником провели вместе около часа, а это значит, что его смена скоро начнется.

Он встает и провожает меня до двери. Открывает ее мне.

– Не беспокойся об этом, ты заплатила пончиками.

– Ну, да, но я немного волнуюсь, что вонь от тунца теперь вьелась в твои стены. – *И заодно в твою душу.*

Он рассмеялся:

– Это будет напоминать мне об океане.

– Ох, Дом, ты до ужаса оптимистичен. Успехов тебе.

Только я переступаю порог, как он спрашивает:

– Можно мне взять твой номер?

Я оборачиваюсь и всматриваюсь в него, пытаюсь убедиться, что правильно его расслышала.

– Мой? – Я тычу пальцем себе в грудь, оглядываясь по сторонам, как будто здесь еще стоят другие люди. Он что, не слушал наш разговор? Мы с ним разные, как небо и земля. И во внешности в том числе. Он великолепен, как кинозвезда, а я по сравнению с ним – жалкая провинциалка. Не уродина, конечно, но и не фонтан.

– Твой. – Дом опускает голову... Он что, краснеет? По-настоящему?

– Но... почему? – спрашиваю я, ошеломленная его предложением.

– Потому что мне было весело с тобой. – Он смущенно поднимает бровь. – И потому что я сделал вывод, что если бы у тебя был парень, ты бы не захотела ждать, пока твоя соседка по комнате и ее мужчина придут с тобой.

Он меня раскусил.

– Да, у меня нет парня, – признаюсь я.

– Отлично для меня. Отстой для гипотетического парня, – его улыбка становится шире. А улыбка у него все-таки симпатичная. Да и сам по себе он отличный – красавчик, весельчак и куда приятнее, чем я заслуживаю, только я сейчас не настроена на романтику. Ни на всяких парней, ни на какое волшебство.

И это меня ужасно огорчает. А ведь если такой парень, как Дом, не вскружил мне голову, то кто еще сможет? Он идеален.

«Все идеальное – скучно, – как бы у меня в голове говорит мама, зевая. – В таком состоянии развиваться некуда».

– Дело в том, что... – говорю я, машинально перекладывая переноску Локи из одной руки в другую, – я все еще как бы люблю другого.

– Бывшего?

– Ага. – Это все чистой воды правда: я все еще влюблена в Джо, и формально он мой бывший. Но я не перестаю чувствовать себя несколько глупо, вспоминая то, что все кончилось шесть лет назад. – Прости, – неловко добавляю я.

Он качает головой.

– Ни в коем случае не обижаюсь. Всего хорошего, ЭверлиннЛ.

– И тебе, ДоминикГ.

В машине я сразу просматриваю свой телефон, там пришло несколько сообщений от Норы.

Нора: Только что пробила твой адрес через Google Earth. Кажется, Локи ищет себе богатого папочку.

Нора: Так, прошло двадцать минут. Отвечай уже.

Нора: Тебя нет полчаса. Этот папик тебя похитил, что ли???

Нора: Уже сорок минут. Зову на помощь.

Нора: Пятьдесят. И я очень не хочу быть в роли той Карен, которая слишком остро на все реагирует и звонит в полицию, хотя... **О БОЖЕ, МОЖЕТ, ВСЕ-ТАКИ СТОИТ ИХ ВЫЗВАТЬ?**

Я смеюсь и пишу ей в ответ:

Эвер: Это я. Со мной все в порядке. Локи тоже цел. Все супер.

Нора: Я тебе не верю. Скажи что-нибудь, что сказала бы только Эвер, чтобы я знала, что это ты, а не твой садист-похититель, пытающийся сбить меня со следа, потому что на самом деле он прикончил тебя, избавился от твоего трупа и хочет, чтобы он хорошенько разложился, прежде чем я вышлю поисковую группу.

Я говорила, что посадила Нору на подкасты о настоящих преступлениях? На выходных мы иногда устраиваем пижамную вечеринку и целый марафон по их прослушиванию, попутно собирая пазлы из полутора тысяч деталей.

Эвер: Торты, похожие на гамбургеры, кашки или футбольные поля, не очень-то мило выглядят. Они беспокоят. В результате диссонанса между визуальным восприятием и вкусовыми рецепторами все ощущения от еды становятся сумбурными и неприятными. Для меня важно, чтобы мой торт выглядел как обычный торт. А не как пачка «Доритос». В этом наша сила. Спасибо, что заглянули на мое выступление на конференции TED.

Ответ последовал незамедлительно.

Нора: Ладно, чудачка. Увидимся дома.

Глава 5

Позднее в тот же день, как только я вернулась с работы, Нора была уже дома, но без Кольта. Это не должно меня так радовать. Ничего плохого в Кольте нет, он отличный парень. Но я все равно счастлива, что мы можем побыть с Норой наедине.

– Ну-ка. – Нора, закинув ноги на журнальный столик, устроилась поудобнее на нашем диване, выдавшем лучшие времена. Локи у нее на коленях. Она поглаживает его по спине, чуть ближе к хвосту. Локи выгнулся дугой так, что его пятая точка оказалась прямо перед ее лицом. – Расскажи мне все о парне, у которого ты забрала сэра Многомяукающего.

Я бросаю рюкзак у входной двери и иду к Норе. Затем плюхаюсь на диван.

– Ему двадцать девять. Фельдшер. Супермилый, суперсекси, супер-полная-противоположность-мне-во-всех-смыслах... Он еще и пригласил меня на свидание. Из-за всего этого я сейчас в шоке.

– Да ладно! – Нора резко выпрямляется, взвизгивая. От резкого движения Локи соскакивает с ее колен на пол. – Когда идете? Что наденешь? Вычислила фамилию, чтобы мы могли провести кибератаку?

Я смеюсь, мотая головой.

– Я только сказала, что он пригласил меня на свидание, но не говорила, что согласилась.

– Ну еще б ты согласилась. – Она разочарованно опускает плечи. – Почему ты этого не сделала? Почему?

В этом Нора походит чем-то на Пиппу – забавная, чудаковатая, оптимистичная девушка, у которой всегда стакан наполовину полон, а не пуст. Только она не настолько сумасшедшая, импульсивная и дерзкая, как моя бывшая лучшая подруга. Уже вижу, как они вдвоем находят общий язык, и мне становится грустно, что они никогда не узнают друг друга. Несмотря на кипучую, общительную натуру Норы, то, чем она зарабатывает на жизнь, требует больших усилий. Она – визажист в морге. Работает Нора в похоронном бюро Святой Марии. Однажды я спросила ее, почему она выбрала именно эту профессию. Мне в тот момент необходимо было выяснить, не знает ли она историю моей двоюродной сестры Шоны, которая, возможно, перевернула и ее жизнь тоже.

Но она лишь пожала плечами и сказала: «Ничего особенного не произошло. Изначально я хотела пойти на курсы по подготовке косметологов. Потом мама поделилась со мной, что у нее есть знакомая в этой профессии и что та хоть и делает на этом хорошие деньги, но работает совсем мало. По сути, она просто помогает людям и вносит изменения. Это было именно то, что я хотела! К этой профессии тяготеют немногие, но кто-то же должен этим заниматься. Для меня большая честь провожать людей в их последний путь. Делать так, чтобы при последней встрече с ними близкие не столкнулись с ужасом, через который они прошли».

Она удивляет меня. Я не могу избавиться от ощущения, что смерть преследует меня, даже когда я пытаюсь убежать от нее.

– Ну? – вопрошающим тоном говорит Нора. – Ты так и не ответила на мой вопрос.

Пытаюсь вспомнить, о чем мы только что говорили. А, точно. О Доминике.

Пожимаю плечами.

– Ты же знаешь, что свидания – это не мое.

– Да ну, я же прекрасно помню, что ты все еще помешана на том придурке, с которым познакомилась на отдыхе шесть лет назад. Это безумие, Эвер! Даже несмотря на все, что произошло между вами, пора двигаться дальше. Чувствую, пора бы мне тебе помочь.

Она говорит все это то ли в шутку, то ли всерьез. Затем она встает с дивана и идет на кухню, откуда вскоре возвращается с нашей здоровой и питательной пищей – крендельками «Снайдерс» и двумя банками кока-колы лайт. Нора протягивает мне банку и усаживается

рядом со мной. Хотя я и не знаю многих вещей о жизни, но мне точно известно, что нет ничего вкуснее, чем пересоленные крендельки и до жути ледяная кола.

– Все не так просто. – Я разламываю крендель на две части, обсасывая соль на нем до тех пор, пока он не станет мягким. – Нельзя о таком взять и забыть.

– Еще как можно, если постараться.

Стараюсь. Целых шесть лет.

Но чем сильнее я пытаюсь о нем забыть, тем крепче Джо цепляется своими корнями за мое сердце. Семя его любви прорастает во мне, расцветает в полную силу, заполняя все больше и больше пространства. Оно уже проникло в мои конечности, легкие, мозг.

С каждым днем, месяцем, годом Джо все больше превращается в мамонта, в мифическое существо в моей голове, все более могущественное и бессмертное. Он не имеет ни начала, ни середины, ни конца. Он для меня все и в то же время ничего. Джо же и стал причиной самой большой трагедии в моей жизни, той, что привела меня сюда. И все же в глубине души я понимаю, что не могу винить его в том, что с нами произошло.

Самое печальное то, что я до сих пор не потеряла надежду отыскать его. По сей день я блуждаю по книжным магазинам, перелистывая книги в мягком переплете, ожидая увидеть в них его имя. Но Джо – такое распространенное имя. Я каждый день проклиная себя за то, что не спросила его фамилию.

– Сколько это еще будет продолжаться, Эвер? Как долго ты собираешься тосковать по парню, которого никогда больше не встретишь? – с полной серьезностью спрашивает Нора. Она больше не притрагивается к кренделькам. Вместо этого она наклоняется вперед, отчаянно пытаясь поймать мой взгляд. Я понимаю, что она говорит не только о моей личной жизни. Ее это затрагивает тоже. Норе хочется, чтобы я тоже нашла себе кого-то, чтобы не чувствовать себя так плохо из-за ее переезда. Он навис над нами, как паршивый зеленый монстр, который так и норовит разорвать меня на куски.

Обсосав всю соль, я кладу размякший крендель на кофейный столик, затем кладу в рот следующий. После чего делаю глоток колы.

– Прости, но я не соглашусь с тем, что мне нужен рыцарь в сияющих доспехах, который спасет меня от самой же себя. Ты так говоришь, будто я должна клеиться к каждому парню, попадающемуся мне на глаза. Знаешь, если б я нашла кого-то, кто больше подходит...

– Чем тебе не подходит папик Локи? – перебивает меня Нора. Она не собирается опускать тему с Домиником.

Я устраиваюсь поудобнее.

– Ну, во-первых, он чрезвычайно красив для меня.

– Ах да, в партнере это всегда ужасно. – Нора сложила руки на груди. – Еще что?

– У нас с Домиником совершенно разные вкусы в фильмах, музыке и искусстве.

– Тогда хорошо, что вы не собираетесь создавать группу. Чем еще удивишь? – Она закапывает глаза.

Я всерьез задумываюсь над следующим ответом. Может, со мной и сложно в плане свиданий, но я действительно считаю, что мы с Домом не были бы идеальной парой.

– Дом – экстраверт. Он любит везде себя проявлять, я же – домоседка. Я больше чем уверена, что у меня аллергия на веселье.

– То есть ты боишься, что он вытащит тебя из зоны комфорта? Да что этот негодяй себе позволяет! – Она прижимает руки к груди. У меня такое чувство, что даже если я скажу ей, что Дом убивает щенков в свободное время, она бы объяснила это тем, что это, вероятно, для того, чтобы сшить теплые шубы для сирот. Нет смысла продолжать этот спор. Нора хотела высказать свою точку зрения – у нее это получилось. Моя жизнь проходит впустую, я упускаю шанс на счастливое будущее, и наверняка умру в этой квартире в полном одиночестве, а мое лицо сожрет Локи, прежде чем кто-нибудь меня найдет.

– Забей, Нор. Давай не будем об этом. С Домом я встречаться не собираюсь. – Встаю и иду на кухню, где начинаю прибираться только чтобы хоть чем-то занять руки.

– Ага. Так я и подумала. Я этим лишь хочу сказать, что в следующий раз – а он обязательно наступит (ты же все-таки красивая, веселая, умная и добрая) – позаботься о том, чтобы твоя душа была открыта. То, как ты живешь, ужасно. Ужасно понимать, что ты недостойна счастья в своей жизни.

Такое вполне может быть, но именно так я себя и чувствую.

* * *

Неделю спустя я размышляю о смерти Вирджинии Вульф.

Точнее, о том, как она набила карманы своего пальто камнями и вышла к реке напротив своего дома. Как вспомню, с каким упорством я боролась с течением в ту ночь, когда Джо спас меня на Гран-Канарии... и вот думаю, готова ли я была бы сделать с ним то же самое. Так много изменилось во мне с тех пор. Сейчас я как раз больше похожа на Вирджинию, чем на Эвер шестилетней давности. Вот что меня пугает.

В очередной раз я провожу экскурсию по Салему для кучки подростков и любителей истории. На этот раз состав непростой. Здесь несколько семей с детьми до двенадцати лет. Трое из ребят то и дело ноют родителям, что хотят в туалет, ждут не дождутся, когда закончится экскурсия, что я ужасно скучная и что никому нет дела до того, как там вообще Томас Джефферсон относился к судебным процессам, связанным с охотой на ведьм.

Мне удастся протиснуться вперед, но с трудом. Во время посещения Первой Салемской церкви, где я рассказываю группе легенду о Леди в голубом, я огрызаюсь на подростка, который специально наступил на ногу одной девочке, чтобы довести ее до слез. Практически крича на него, я говорю, что второй забастовки не будет и его отстранят от всех туров навсегда. Только у меня на такое нет абсолютно никаких полномочий.

Как только экскурсия закончилась и ушли последние туристы, я забираюсь внутрь своего ржавого «Шевроле Малибу», с которым мы одного возраста. Закрываю глаза и делаю пару глубоких вдохов. Жаль, что у меня нет с собой воды или чего-нибудь сладкого, чтобы взбодриться. При всей моей любви к фастфуду я довольно часто забываю перекусить. Нора постоянно твердит мне, что терпеть не может людей, забывающих поесть. В отличие от забытого белья в стирке или оплаты счетов за квартиру, прием пищи – это единственное, о чем она в любую минуту вспомнит. Не очень хорошо, что я забываю подкрепиться. Ведь это говорит о полном отсутствии заботы о себе.

Я достаю свой рюкзак и проверяю телефон, чего не делала уже целый день. Вижу несколько пропущенных звонков от отца. Странно. Папа в последнее время мне так часто не звонит. А если и звонит, то обращается со мной как с какой-нибудь клиенткой. По-деловому и официально.

Сердце тотчас же замерло. Неужели что-то случилось?

Перезваниваю ему, благодарная за то, что на Западном побережье еще не так поздно. Он берет трубку после первого гудка.

– Эверлинн, – его голос прозвучал сухо, холодно.

– Привет, пап. – Сама не знаю почему, но мне до сих пор хочется плакать каждый раз, когда я слышу его голос с того самого дня.

Наступает пауза. Похоже, он не ожидал, что я ему перезвоню. Меня сейчас стошнит от стыда. Неужто прошло столько времени с тех пор, как я в последний раз навещала его? Надо это исправлять. Буду звонить родным каждую неделю, посылать больше открыток и подарков. Одних дней рождения и Рождества недостаточно. Но я не могу отделаться от мысли, что, дистанцируясь от них, я оказываю им неоценимую помощь.

– Все в порядке? Увидела несколько пропущенных от тебя.

– В смысле? – папа звучит озадаченно, но также слышу в его голосе некую обеспокоенность. Затем издает неловкий смешок: – А-а, точно. Связь просто плохая. На какого бы оператора я ни перешел, все равно приходится перезванивать по несколько раз, прежде чем дозвониться до кого-либо. Живи я в глуши, было бы логично рассуждать, почему у меня проблемы со связью. Только вот эти операторы твердят мне обратное. Говорят, что, поскольку я живу в городе, борьба за наибольшую зону покрытия сети выше. Говорят, это как-то связано с приоритетом мобильных данных. Представляешь, как сильно они хотят, чтобы я заплатил за премиум-подписку только ради качественного сигнала? – негодует он. Вот что ему сейчас важно. Связь. А не то, что у нас с ним никогда не складываются отношения.

– Возмутительно, – подхватываю я. – Надо обратно переходить на стационарные телефоны. Заодно продемонстрируем, куда им эти премиум-подписки засунуть, – повторяю то, о чем он постоянно читал нам лекции за ужином.

– Необязательно быть такой язвительной, – сразу посерьезнел он.

Ему невозможно угодить.

– Ты прав. Прости. Ты хотел со мной поговорить?

Папа прочистил горло.

– Да, есть кое-что, о чем я хочу с тобой поговорить.

– Сейчас самое подходящее время, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал бодро.

– Видишь ли, я подумал, что мы могли бы сделать это лицом к лицу. Но тебя давно не было дома.

– Не так уж и давно.

– Три года – это давно, Эвер.

Стыд снова захлестнул меня. Я каждый день скучаю по дому. Я в курсе, что многие люди живут вдали от родных. И эти люди потом специально поступают в колледжи и находят работу в других городах. Или же встречаются людей, ради которых хочется переехать. Либо это просто их мечта – жить в другом месте да подальше от родных, где-нибудь у золотистых пляжей или в мегаполисах, которые пропитывают тебя целиком. Но у меня совсем другой случай. Я не просто переехала. Я сбежала.

Папа не звал меня к себе уже долгие годы, теперь мне интересно, что заставило его так резко передумать. Может, он... неизлечимо болен?

– Надеюсь, у вас все в порядке, – с беспокойством говорю я.

– В полном, – отрывисто произносит отец, – если ты о здоровье.

– Отлично, – я пытаюсь выиграть время, поскольку не особо горю желанием возвращаться домой. Я уверена, что как только вернусь туда, отец сообщит мне, что вычеркнул меня из завещания и хотел бы, чтобы я сменила фамилию, дабы не ставить нашу семью в неловкое положение. – В таком случае, почему бы тебе не...

– ...не захватить на День благодарения? – перебивает меня отец. Он не очень любит проявлять какие-либо чувства. Ему всегда было удобнее излагать свои мысли в цифрах и таблицах, нежели высказываться людям. Так что если он зовет меня домой, я уже наверняка знаю, что за углом меня ждет нечто взрывное.

– Ты уверен, что все хорошо? – ласково спрашиваю я. – А то мало ли...

– Я уже сказал, что у нас все в норме, – говорит он немного нетерпеливо. Он сдержанный человек, но я-то знаю, что именно из-за меня он становится таким раздражительным. – Я просто хочу, чтобы ты была здесь на ужине в честь Дня благодарения. Билет в Сан-Франциско оплачу тебе сам.

– Дело не в билетах, – произношу я со вздохом. Ненавижу себя, ненавижу все это, ненавижу то, во что превратилась моя семья. – Наверяд ли я смогу взять отгул на работе. «Сезон

страшилок» – самое загруженное время в году. Мне нужно найти замену на обоих работах... а это случится не так быстро, как хотелось бы.

Хоть я и не говорю правду, но это навряд ли можно расценивать как ложь. Ведь не работа удерживает меня вдали от дома.

Отец замолчал. Я слышу, как где-то на заднем фоне Ренн рубится в видеоигры и веселится с друзьями. От этого сердце сжимается так, словно превращается в крошечную бабочку оригами, которая постепенно складывается сама в себя. Я скучаю по ленивым посиделкам с ним в воскресенье, когда мы играли в Halo и спорили о совершенно бессмысленных вещах, скажем, что лучше – «Как я встретил вашу маму» или «Теория большого взрыва» (конечно же, первое). Или о том, что все люди, кусающие хот-доги сбоку, самые что ни на есть психопаты (это и вправду так).

– Ясно, – ворчит папа, наконец. – Похоже, я не смогу тебя переубедить.

– Мы встретим Рождество вместе, – торопливо заверяю его. На этот раз я намерена сдержать свое обещание.

– Вот как увижу тебя дома, тогда и поверю, – говорит он.

Я делаю глубокий вдох и игнорирую его недовольство.

– Люблю тебя, пап.

Слова кажутся такими пустыми, такими пресными во рту. Не так выглядит любовь. Не так эта самая любовь чувствуется. Она, конечно, чувствовалась, лет шесть назад. Тогда мы устраивали еженедельные посиделки в любимой закуской, каждый вечер среды проводили всей семьей за игрой в скрабл и не забывали о «Тако Вторниках».

Он бросил трубку, ничего не сказав в ответ.

Тебя собственная семья не любит. Пусть это на мгновение осядет в памяти.

Я в отчаянии бьюсь головой о руль. Но несильно. *Бум-м-м... бум-м-м... бум-м-м.* Так продолжается около десяти минут. Направляю остатки энергии на то, чтобы завести двигатель. Врубаю через Bluetooth Unfinished Symphony группы Massive Attack. Улицы буквально усеяны людьми. Все они смеются, целуются, обнимаются, живут своей жизнью. Я же еду бесцельно, куда глаза глядят. Просто себе еду, потому что знаю, что поджидает меня дома: Нора и Кольт лежат в обнимку на диване, словно инь и ян, смотрят какое-нибудь кино и мило воркуют друг с другом. Я веду машину до тех пор, пока красная линия на приборной панели не сообщает, что мне лучше отвезти свою задницу на заправку, пока моя машина не заглохла.

Останавливаюсь на первой попавшейся заправке и заливаю бензин. Бросаю взгляд на свои часы. Почти два ночи, а я еще ничего не ела. Нужно что-нибудь сладкое и успокаивающее. Не снимая бензонасос с бака, я захожу в 7-Eleven и направляюсь прямо в отдел сладостей. По другую сторону от него стоит высокий темноволосый мужчина. Мы сейчас стоим точно так же, как стояли с Джо в аптеке шесть лет назад. Дыхание перехватило. На мгновение у меня возникает желание сделать шаг в сторону, посмотреть, не Джо ли это. В следующую секунду в моей голове зазвучали слова Норы насчет него. Это не Джо. Не может быть, что это он. Ведь я никогда его больше не увижу. Пришла пора жить дальше.

Взяв с собой пачку Skittles, Oreo и черничный слаши «Биг Галп», я направляюсь к кассе. Приветливо киваю кассиру.

– Это все? – Он лопает мне жвачкой чуть ли не в лицо.

– Да.

– Чувак, у вас тут сэндвичи закончились, – чей-то голос исходит от холодильников с напитками, и я понимаю, что он принадлежит тому темненькому. Кроме нас троих, здесь больше никого.

– Бывает, бро. – Парень-кассир снова щелкает жвачкой, уже протягивая мне пластиковый пакет с едой и сдачу. – Там есть замороженные блюда, если совсем срочно надо. Или поешь чипсов, как все остальные в мире.

– Бывает? Это твой ответ? И я не хочу есть этот мусор, я хочу гребаный сэндвич. – Когда тот парень возникает из-за проходов, мои ноги подкашиваются. Это Дом. Фельдшер, который спас моего Локи. Одет в свою зеленую униформу. Он, конечно, и сам выглядит жутко. Жутко красиво, я имею в виду, но и так, будто он месяцами не спал. Его волосы беспорядочно свисают на лоб и вокруг ушей, глаза налиты кровью, кожа вокруг них темная и впалая.

– Дом, это ты? – спрашиваю я его.

Он замирает, качает головой, пока до него не доходит:

– О, Линн, привет.

Я скривилась от имени, которым он меня назвал. Однако сейчас не время говорить ему о том, как оно меня раздражает.

Мы стоим друг напротив друга, я с пластиковым пакетом, болтающимся на кончиках пальцев, и он с его душой, будто истекающей кровью на полу между нами.

– Все в норме? – Я вглядываюсь в его лицо.

– Да, я... – Он оглядывается вокруг, проводя пальцами по густым каштановым волосам. – Почти в норме. Ночка не задалась. Вот и все.

– Что-то случилось?

Я отдаю себе отчет в том, что на нас все еще смотрит кассир, но сейчас мне не до него.

Дом смотрит в сторону.

– Да так, ничего. – Он хватается за пакет с чипсами и швыряет его на кассу. – Обычная человеческая жизнь. Вот. Беру я твои дурацкие чипсы. Доволен? – спрашивает он кассира.

– Нет, расскажи мне. – Я по-прежнему не сдвинулась с места. В этот раз я не позволю себе остаться ни с чем. И так уже папу расстроила. Не дам этому парню так легко от меня отделаться. Особенно после того, что он сделал для меня.

Уж тем более не тогда, когда я вспоминала судьбу Вирджинии Вульф и как она живет в каждом из нас. Как нам порой хочется набить карманы камнями, а потом просто взять и исчезнуть в озере.

Дом обводит меня взглядом. Улыбка зависает на его лице, как полумесяц, грустная и несовершенная.

– Сегодня я потерял пациентку. Ей было девять, – последнее слово едва слышно, так как голос Дома ломается. Я чувствую себя так, словно мое сердце раздувается до чудовищных размеров, а затем лопаются прямо в груди. Хватаю Доминика за руку и оттаскиваю от кассира, от его жалкого пакета с чипсами и подальше от магазина. Прочь от этого места со скучным освещением и непонятно чем заляпанным линолеумом.

– Пойдем со мной.

– Кто теперь убийца с топором? – устало спрашивает он, но не сопротивляется. При всей крепости и мускулистости его рука в моей сейчас вялая и холодная. Он идет за мной.

– Пойдем накормлю тебя чем-нибудь другим, но не чипсами, а потом расскажешь мне о своей смене, хочу услышать от тебя все.

Я замираю на мгновение, а потом добавляю:

– А потом я убью тебя. Не волнуйся, я подброшу твоё тело в какое-нибудь необычное место.

Он слабо смеется, потому что должен, но он все равно смеется, а это именно то, к чему я стремилась.

Сажаю его в свой «Шевроле», откручиваю бензонасос и начинаю движение. Делим с ним упаковку Oreо, и после этого я завожу легкий разговор. В каком колледже он учился? (Окончил он Северо-восточный университет для получения высшего образования, а Бостонский колледж – для получения диплома медработника.) Какой у него любимый цвет? (Пурпурный.) Если бы ему выпала возможность встречаться с одной любой знаменитостью, кто бы это был? (Возможно, с Кендалл Дженнер, хотя он допускает, что может переключиться на Зендею.)

На все мои вопросы Доминик отвечает подавленным голосом. Везу нас в Wendy's, где покупаю ему бургер «Беконатор» с гарниром в виде картофеля фри, замороженный молочный десерт «Фрости» и соус чили. Так и быть, чили на самом деле для того, чтобы я смогла съесть крекеры, которые к нему прилагаются. Паркуюсь на прилегающей к заведению стоянке, достаю нашу еду и затем прислоняюсь к капоту машины. Дом присоединяется к трапезе. Передаю ему еду.

– Как долго она пробыла у вас? – спрашиваю я его.

Он прекрасно понимает, о ком я говорю. О той девятилетней девочке. Дом опускает голову и качает ею. Я не вижу его лица, но чувствую, что он плачет.

– Три месяца. Это было ужасно, Линн. Ей уже ничем было не помочь. Нечем было поддержать ее. А она была такой храброй. Такой энергичной, смелой, участливой во всем. Она пыталась бороться изо всех сил. Ты бы ее видела.

– *Ох, Дом.* – Меня несколько удивляет, насколько до глубины души мне жаль их обоих, хотя они оба для меня чужие люди. – Чертовски тебе сожалею. Пожалуйста, поешь. Продолжай, но и перекусывать не забывай.

Дом нерешительно надкусывает картошку фри, только чтобы успокоить меня. Его тусклые глаза буквально загораются, когда соленая картошка ударяет по его вкусовым рецепторам. Он берет еще две штучки и отправляет их в рот. Кажется, он постепенно поддается собственному голоду, а это хороший знак. Мне было бы очень неприятно узнать, что Дом, как и я, забывает поесть. Хотя представить себе это довольно сложно, судя по тому, каким здоровым и подтянутым он выглядит.

– Это было... она?.. – не знаю, как сформулировать вопрос. К счастью, Дом сразу понял, что я хочу спросить. Он отпивает чуть-чуть коктейля и передает его мне. Кладу соломинку в рот и пью, словно это в порядке вещей между нами. Как будто делиться секретами, напитками и слюной с красивыми мужчинами – для меня нечто обыденное.

– Нет. На самом деле она ничего не чувствовала. Она находилась в медикаментозной коме. Части ее организма одна за другой начали отключаться во второй половине дня. Худшая смена в моей жизни. Это как наблюдать за сжиганием церкви, где обваливается обломок за обломком, смотреть, как огонь поглощает все – Библии, скамьи, Иисуса на кресте.

Закрыв глаза, я представляю это. Холодок пробегает у меня по спине. И вовсе не надо быть верующим, чтобы почувствовать приступ тошноты.

Прислонившись спиной к капоту моей машины, Дом берет свой бургер и откусывает огромный кусок. Я поглаживаю его руку, понимая, что слова сейчас излишни.

Он отгрызает еще один кусок своего бургера. Его челюсть резко дергается при каждом укусе.

– И все, о чем я думал, пока наблюдал за этой битвой с болезнью, было то, что... в этом мире столько грязи, понимаешь? Вот прямо сейчас, в сию же секунду какой-нибудь бульварный обозреватель строчит мерзкую статью о той или иной поп-звезде просто потому, что он может себе это позволить. Потому что, видишь ли, в наше время круто – ненавидеть знаменитостей. Или, допустим, какой-нибудь политик замышляет погубить своего коллегу, который стоит у него на пути к президентству. Или девушка рыдает в подушку, потому что не может потратиться на сраную сумочку от Гуччи. А ведь в это время гибнут люди, которые готовы прожить без всяких там сумочек и высоких постов. Я в курсе, что не принято сводить проблемы других людей на нет, но, черт возьми, мне кажется, что в некоторых случаях лучше как раз так и поступить. Понимаешь? О да, оказаться в роли афганского беженца, пытающегося избежать ужасной участи, – это проблема куда посерьезнее, чем если бы тебя не пригласил на бал твой любимый. А я устал делать вид, что у всех беды одинаково равны, хотя это, черт возьми, *неправда!*

Равенство проблем. У Дома их в жизни хоть отбавляй. Теперь я понимаю, почему он одновременно ходит и в хор, и в книжный клуб, и занимается кроссфитом, и ходит в кино по два раза на неделе. Он лучше других знает, насколько хрупка человеческая жизнь.

– Никогда не жди, что жизнь будет к тебе справедлива. Всегда окажешься в проигрыше. То, чем ты занимаешься, – это потрясающе. И то, как ты помогаешь этим детям... не представляю, как можно себя такому подвергать. Но я безумно рада, что в этом мире существуют такие люди, как ты, Дом, – говорю я.

Он расправляется с бургером еще за три укуса и только потом запивает его молочным коктейлем. Его лицо наконец обрело естественный цвет. Он все еще выглядит грустным, но уже не таким болезненным.

– Все верно, но у меня не было выбора. – На лице его видится безысходность.

– Это ты сейчас о чем?

Он берет упаковки от еды и выбрасывает их в ближайший мусорный бак. Это дает мне время полюбоваться его телом в медицинском костюме. Я знаю, что сейчас не время о таком думать. Но в голове невольно просыпается желание узнать, что же скрывается под его униформой. Затем он снова расположился рядом со мной, приготовившись рассказать свою историю.

– Когда мне было пять лет, мне диагностировали острый лимфобластный лейкоз. Самый распространенный рак крови среди детей.

Этими словами меня будто ударили в живот. Я даже немного сгорбилась. У Доминика, красивого, большого, высокого и крепкого Доминика, была лейкемия? Как такое возможно?

– Мне жаль, – почти неслышно говорю я. А точнее, застенчиво. Что еще можно сказать в такой ситуации?

Он кивает.

– Все проходило, как по инструкции. История со счастливым концом, как несложно догадаться. Мне сразу же назначили химиотерапию. Ввели анестезию. Через четыре недели у меня началась ремиссия. Однако мы не могли избавиться от болезни в течение нескольких лет. Это был целый процесс. Промежуточное лечение, обследования, ожидание результатов каждый раз. Бессонные ночи. Слышал, как родители плакали в своей комнате, пока думали, что я сплю. Понимал, что мой младший брат сидит там и ждет, когда кто-нибудь бросит ему хоть крошку внимания, потому что все были слишком заняты заботой обо мне. Это было похоже на... слов не подобрать, чтобы описать, каково это.

– Могу представить. Ни один ребенок не должен проходить через это. – Моя рука снова касается его, и я понимаю, что такие жесты, уже набившие всем оскомину, существуют, просто потому что они правдивы. Ни один ребенок *не должен* проходить через это.

– Больше всего мне запомнились медсестры. Доктора. Люди, окружавшие меня, – продолжает Дом, – я чувствовал, что им действительно не все равно. Они звонили маме после работы, чтобы узнать, как мое самочувствие. Они дарили мне подарки, рассказывали истории и играли со мной. И те несколько человек из персонала, которые не были столь милыми, тоже были замечательными. Поэтому я для себя довольно рано решил, что хочу стать фельдшером. Хотел изменить мир к лучшему. Хотел, чтобы следующий Дом знал, что я всегда его прикрою. Вот почему я выбрал работу в отделении онкологии.

Мы еще немного поговорили о его детстве: о том, как оно было омрачено частыми напоминаниями о неизбежности его смерти. О том, как его младшего брата отдавали на попечение бабушке и дедушке, иногда на целые недели. Дом до сих пор испытывает чувство вины за то, через что он заставил пройти свою семью. Затем Дом делает глубокий вдох и говорит:

– А вас-то что привело в 7-Eleven в два часа ночи, миледи? Полагаю, ваша ночь была такой же паршивой, как и у меня.

– Уже не настолько, – тихонько усмехнулась я.

Он излил мне всю свою душу. Теперь я обязана поделиться хотя бы частью своей правды.

– Да так, с семьей пока все не очень хорошо, – отмахиваюсь я рукой. – Папа хотел, чтобы я приехала домой в Сан-Франциско на День благодарения. Я отказалась.

– Почему?

Решив, что не хочу рассказывать Дому обо всем и сразу, объясняю:

– Не могу снова смотреть в глаза семье после того, как разбила ее на миллион кусочков.

– Значит, не меня одного сегодня одолело чувство вины. Интересно. И как же ты ее разбила? – терпеливо спрашивает он. У меня такое чувство, что он искренне хочет обо всем узнать. Будто я для него сейчас центр вселенной.

Неожиданно, но очень приятно.

Я нервно шевелю пальцами ног в своих сапогах, хмуро уставившись на них.

– У меня... умерла мама.

Тишина охватывает нас со всех сторон.

Наконец, Дом говорит:

– Мне ужасно жаль, Линн. Но ты-то здесь при чем?

– Как раз-таки при чем. Уж поверь мне. Долго рассказывать, но это действительно так, – и я не преувеличиваю. Всему причиной и правда я. И знаю, что папа и Ренн тоже так думают. Это то, с чем мне придется жить до конца своих дней.

– погоди, дай мне во всем разобраться. – Он потирает подбородок, задумавшись. – Ты считаешь, что именно из-за тебя умерла мама, но при этом тебя не посадили в тюрьму. Следовательно, можно предположить, что это был несчастный случай. Твое решение – лишить свою семью дочери и сестры в одном флаконе?

Понимаю, что в этом есть доля правды, но если бы все было настолько просто. Не могу спокойно смотреть в лицо папе и Ренну, не чувствуя себя при этом Мрачным Жнецом, который пробрался в щель их двери и похитил их радость. Более того, не похоже, что они так уж охотно поддерживают со мной связь. Ренн, по крайней мере, проявляет ледяную вежливость в общении со мной. В основном он напрочь отрицает мое существование. Папа относится ко мне как к дальнему родственнику, с которым он считает себя обязанным переписываться время от времени.

Покачав головой, я отстраняюсь от капота и огибаю машину, возвращаясь к водительскому месту. Дом уловил намек и делает то же самое. Обратная дорога до 7-Eleven, где он оставил машину, проходит в безмолвии, но не в дискомфорте. Такое ощущение, что мы оба перевариваем сказанное за сегодня.

Я паркуюсь за его красным кабриолетом Mazda MX-5 Miata. Эта машина настолько соответствует натуре Доминика, что меня чуть ли не разбирает смех. Ему нравятся большие блестящие вещи ярких цветов. Частичка Дома навсегда останется тем пятилетним ребенком, который однажды чуть не погиб.

В это время солнце начинает подниматься, окрашивая наш исторический город в синевато-оранжевые тона. Дом отстегивает ремень безопасности и поворачивается ко мне.

– Спасибо за компанию. За бургер в том числе.

– Сначала пончики, теперь бургер. Может, это мое призвание – кормить тебя? – Подмигиваю ему, пытаюсь сохранить легкость. – Надеюсь, сегодня ты почувствовал себя лучше.

– Даже если нет, то я могу всегда сходить на пару занятий по фитнесу, плюс брат предложил зайти ко мне на пару кружек пива и посмотреть матч. В лучшем случае, найду чем развлечься.

Я тянусь, чтобы сжать его руку в своей. Не хочу отпускать его, но и не хочу устраивать с Домом никакой романтики. Просто хочется, чтобы мы соседствовали в одном мире, чтобы были рядом друг с другом. Мне так не хватало человека, который бы выслушал меня. Так что на этот раз я смело приму отказ. Выставляю себя за дверь, так сказать.

– Эй, Дом, не хочешь... обменяться номерами? Я очень хотела бы стать твоим другом.

Дом улыбается, сжимая мою руку в ответ:

– Спасибо за предложение, Линн, но я не могу быть твоим другом. Я бы постоянно тосковал по тебе, и это было бы действительно очень жалкое существование.

А потом, прежде чем я успеваю сказать что-то еще, и до того, как начинаю говорить ему, что Нора убьет меня, если проболтаюсь про нашу очередную встречу и что я снова не взяла его номер, он тянется ко мне, нежно целует меня в щечку и уходит.

Глава 6

Прошло еще две недели.

Я так и не рассказала Норе, что пересеклась с Домом на заправке. Сдается мне, что это подтолкнет ее к очередному разговору о том, что я должна забыть Джо. Как оказалось, для этого Норе не нужен повод в лице Дома. Однажды в парке, когда мы уселись на покрывале для пикника, в мою сторону посмотрел довольно милый парень. Он читал книгу. Причем ту, которая, как оказалось, мне очень нравится. «Бесконечная шутка» Дэвида Фостера Уоллеса.

– Ты должна подойти и поговорить с ним, – настаивала Нора, перекатываясь со спины на живот, жадно впитывая крохотные лучики солнца, пробивающиеся сквозь густые облака.

– Ни за что. – Я зарылась лицом в книжку с мягкой обложкой – новинку Стивена Kinga.

– Почему? Из-за Джо? – Нора натягивает на нос солнцезащитные очки.

– Нет, – отвечаю, хотя настоящий ответ таков: «Не хочу этого делать по разным причинам». – Просто я не тот человек, который подходит к незнакомому парню и спрашивает его номер.

– А для этого нужно быть какой-то особенной? – Нора моргает. – Приглашать кого-то на свидание – это всегда большой риск. Неужели ты думаешь, что твои чувства ценнее, нежели чувства девушки, которая сама бы пригласила этого парня на свидание?

– Я не это хотела сказать. Девушкам, у которых хватает смелости подкатывать к мужчинам, – респект. Считаю, что собой они делают этот мир лучше. Но я ведь далеко не авантюристка, если меня сравнивать с остальными. Ну не любитель я рисковать. Я просто-напросто... не склонна открываться людям, – отвечаю словами Пиппы и из-за этого снова начинаю тосковать по ней. Интересно, перестану ли я когда-нибудь скучать по ней, словно она была частичкой моего тела? Так хочется, чтобы этот день настал, но в то же время я его боюсь.

Нора стонет, уткнувшись лицом в траву:

– Вот так и помрешь старой, никому не нужной ведьмой.

– Ну спасибо, – пробормотала я и снова уселась читать. Я обмякла от облегчения, когда увидела, что парень, смотревший на меня, сунул свою книгу под мышку, подобрал одеяло для пикника и отнес его в машину.

– Вот увидишь, Эвер. Тебе станет настолько горько на душе. И даже не надейся, что я буду на подхвате, чтобы менять тебе памперсы или закупаться для тебя продуктами.

– Мы с тобой ровесники. Кто сказал, что это я буду нуждаться в сиделке, пока ты будешь жить своей лучшей спортивной жизнью? – Я приподняла бровь от недоумения.

– Даже Локи не собирается задерживаться в этом мире. Он не становится моложе, – продолжает она, пропустив мои слова мимо ушей.

– А вот он в моем сердце навсегда. – Разрываю пачку Skittles, купленную в 7-Eleven пару недель назад, и высыпаю ее содержимое себе в рот.

Но Нора не сдается. Она по-прежнему что-то бормочет, но из-за шелеста травы не слышно ее слов.

– А Джо? Наверняка он уже женат. А если и не женат, то, по крайней мере, у него появилась надежная девушка. Какая-нибудь красотка. Еще и рисовать умеет. А встретились они небось в каком-нибудь Нью-Йорке. Так и трахаются по три раза на дню, несмотря на то, что в отношениях уже три года.

Горько улыбаюсь, смакуя боль, которая сопутствует ее словам. Ведь боль, в конце концов, это тоже чувство, а я так давно ее не испытывала. Наверное, Нора права. Джо сейчас стукнуло бы двадцать пять. Этот парень словно магнит, полон сарказма и таланта, ну просто находка. Любая бы это заметила.

– Вот и поболтали, Нор.

Мы складываем наше покрывало и идем к машине. Я подбрасываю ее до работы, потом еду на почту и отправляю Ренну громадную посылку на его двадцатый день рождения. Я приготовила ему новые прикольные носки длиной по щиколотку – как он любит, а также специальный австралийский воск для его досок для серфинга. Дарю подарочную карту Billabong, специализированного под это дело магазинчика. Кроме того, вкладываю написанную от руки сердечную записку. Затем возвращаюсь домой.

Распахиваю дверь и направляюсь в свою комнату, где снимаю ботинки и сбрасываю рюкзак. Именно там я обычно застаю владыку нашего поместья, восседающего на самом дальнем углу моей кровати с выражением глубокого изнеможения на мордочке. Без понятия, что заставляет кошек всегда выглядеть так, будто они уже по уши сыты вашим дерьмом, но это одна из тех вещей, которые меня восхищают в котях больше всего.

Только Локи здесь нет. Иду в гостиную.

– Локи Люцифер Лоусон, о где же вы, мой добрый господин? – зову я его.

Обычно в ответ на полное имя он мяукает: *«Ты мне не мать»*, если переводить с кошачьего. Но не в этот раз.

Он что, опять пошел к папику?

Захожу на кухню и откупориваю банку корма «Фэнси Фист». Опускаю его на пол и издаю все те звуки, которыми люди зовут своих котов, чтобы те показали себя. Ничего не происходит.

Только не снова! Надо иметь хоть капельку самоуважения, дружище.

Меня бросает в жар. Хватаю ноутбук, включаю его и набираю почту Дома.

Уже чувствую себя настоящей идиоткой, ведь придется идти к нему за котом второй раз за месяц. Может, Нора все-таки права. Возможно, Локи попросту надоело жить в трущобах вместе с нами, *двумя девицами на мели*, и он согласился жить у Доминика в отеле «Уолдорф-Астория», как в том сериале.

Эвер: Привет, Дом, это Эвер. Локи снова пропал. Везде его обыскалась. Я знаю, это звучит странно, но он случайно не у тебя?

(Клянусь, я не издеваюсь над ним. Очень хотела бы списать это на его трудный возраст. Только ему уже десять, а это шестьдесят по-кошачьи. Вот ответь мне сам – ты когда-нибудь встречал шестидесятилетнего, который был бы такой занозой в заднице?)

P. S. Хотела спросить, как у тебя дела после нашего последнего разговора, поэтому спрашиваю – ты в порядке?

Э.

Пойду пока поищу Локи на улице. Но сначала мне нужно в туалет. Закрываю ноутбук и иду в ванную. Открыв дверь, с удивлением понимаю, что что-то твердое и пушистое обвилось вокруг моей ноги. Смотрю вниз. Это Локи. Вот засранец!

– И далеко вы собрались, молодой человек? – Иду следом за ним. Он все это время был в ванной? Но что ему там делать? Не похоже, что он умеет ею пользоваться. Да нет, у него ведь есть лоток. Локи с превеликим удовольствием наблюдает за тем, как за ним убирают каждый день.

Локи с ожесточением мотает хвостом, затем обнаруживает открытую банку корма и набрасывается на ранний ужин. Я прислоняюсь к стене коридора, прикрыв глаза. Кажется, я схожу с ума. Мне ужасно одиноко. Слишком глубоко погружаюсь в свои мысли. На телефоне срабатывает уведомление: пришло новое письмо. Я достаю его из кармана и провожу пальцем по экрану. С учащенным пульсом открываю почту, но интернет тормозит, и я начинаю метаться из стороны в сторону.

Дом: Привет. Не-а, прости. Локи не видно. Но буду начеку.

Р. С. Чувствую себя лучше. Надеюсь, ты тоже.

Сердце в пятки ушло. В том, что сказал Дом, нет ничего такого, что было бы неправдой, но и слишком личного он не говорит. Сразу после этого всплывает еще одно письмо.

Дом: Но, если потребуется, буду рад помочь тебе его найти.

Осознаю, что, возможно, изначально я писала Дому, просто потому что захотелось, но никак не из-за Локи. Нора правильно говорит – пора в каком-то смысле двигаться дальше. Пускай Дом и не зеркало моей души, как это было с Джо – да уже никто, наверное, и не будет таким, – но он добрый, милый, умный и обаятельный.

Эвер: Ложная тревога. Он забаррикадировался в ванной.

Дом: Сварливее старика я еще не видел в этом городе. Рад, что ты его нашла.

Эвер: Только вот... я все равно хочу встретиться.

Эвер: Как насчет кофе на этой неделе?

Проходит несколько секунд, прежде чем он отвечает. Уже готовлюсь к очередному отказу.

Дом: Уже говорил тебе, Линн. Ты мне слишком нравишься, чтобы оставаться друзьями.

Эвер: Да, но...

Но столько времени уже прошло, и я так одинока, а он такой добрый, милый, веселый...

Эвер: Возможно, я хочу большего, чем быть просто друзьями.

Дом: Возможно или точно?

Эвер: Честно тебе сказать? Все зависит от твоего ответа.

Мир словно застыл вокруг. Я точно хочу этого. Для меня сейчас ничего не существует, кроме этого мгновения, кроме этого самого разговора между двумя людьми, живущими по разные концы города. Я скучаю по тому, что нервничаю из-за чего-то. Я скучаю по заботе.

Дом: Мой ответ – и да, и нет.

Эвер:?

Дом: Да, я не против потусоваться. И нет, не хочу кофе. Готова услышать кое-что?

Я пишу «всегда готова», но себе говорю «по жизни не готова ни к чему и никогда».

Дом: Встретимся вечером после твоей экскурсии.

Глава 7

– Ага, гончарная мастерская, – произношу я, оглядываясь вокруг.

Когда Нора заявляла, что Дому суждено вывести меня из зоны комфорта, я рассчитывала, что мы как минимум останемся в пределах нашего района. Но этого, увы, не случилось. Сейчас 22:30 вечера. А ведь я думала, что Дом непременно пригласит меня на романтическую прогулку или в ресторан. Но нет: мы на самой окраине Салема в гончарной мастерской All Clay Long, главная фишка которой – работа круглосуточно.

Несмотря на то что за окном уже темень, народу полно. Пространство здесь небольшое, тесное, с длинным овальным столом в центре. Вокруг него стоят отдельные гончарные круги, а рядом с каждым из них – фиолетовые миски, наполненные глиной. На полках выставлены напоказ различные скульптуры и еще немного мисок.

Сюда не приходит какой-то особый контингент людей. Среди них я замечаю парочку, которая, видимо, собралась на свое первое или второе свидание. Еще вижу группку пожилых женщин и тех, кто, по моему странному (но, вероятно, правильному) предположению, устраивает свадебный девичник. Я сдерживаю улыбку при мысли о том, что если бы Пиппа оказалась здесь, она бы только и возмущалась при виде всей этой картины. Слышу ее голос у себя в голове: «Устроить девичник в гончарной мастерской – ну просто охренительный вариант, Лоусон. Вот что я тебе скажу: подавай мне торты, стриптизеров и доведи все до такой степени разврата, чтобы мы забыли об этой ночи как о страшном сне, если только не напьемся до чертиков, и мужей не будет рядом. Понимаешь теперь, что я от тебя хочу?»

– Понимаю, это необычно, но хотелось подойти к делу творчески, – Дом улыбается мне. Выглядит он безупречно: на нем бледно-голубая рубашка, элегантные джинсы, а на ногах мокасины. На мне, напротив, готичное черное платье, а пирсинг в носу виден всем. Если бы моя мама когда-нибудь повстречала Дома, то он показался бы ей слишком идеальным, но ее здесь нет, не так ли?

– Мне нравится, – широко улыбаюсь я, чтобы продемонстрировать свой восторг. Нора в курсе, что у меня сегодня свидание, и мне кажется, что если я не приду домой беременной или, на худой конец, помолвленной, она меня не выпустит.

К нам подходит женщина по имени Мария и представляется наставником. На ней фартук, весь заляпанный глиной. Нам с Домом она передает еще два. Мы завязываем их на поясе и следуем за ней к своим рабочим местам. Затем нам объясняют, чем мы сегодня будем заниматься. После этого приступаем к работе. Правда, это не совсем то, что было у Деми Мур и Патрика Суэйзи в фильме «Привидение». Все как-то неловко, липко и немного расстраивает.

В итоге мы с Домом оба выходим из заведения, оставив там свои самодельные кружки, чтобы забрать их завтра.

Ну, я слепила кружку. Но не уверена, что именно сделал Дом. Его глиняная чашка выглядела так, словно пыталась поглотить себя изнутри.

– Я думала, ты любишь гончарное дело. – Засовываю руку в карман своего платья – а платье у меня сегодня шикарное.

– Никогда такого раньше не пробовал. Я делаю все ради удовольствия. Пускай и выходит из этого полный отстой.

Такое ощущение, что он – ходячая энциклопедия по саморазвитию. Это именно то, что мне нужно.

– Тогда можешь забрать мою кружку... завтра.

Я ведь все равно за ней не вернусь.

– Что ж, спасибо. – Дом снимает воображаемую шляпу. – С завтрашнего дня и до конца дней своих я буду пить из нее свой утренний кофе. Ну или пока кто-нибудь из наших детишек не разобьет ее. Чертов Доминик-младший. Вечно затевает что-то нехорошее.

Так. Стоп. Что?

Я останавливаюсь перед его машиной. Он отвернулся, затем снова повернулся ко мне.

– Да шучу я, Линн. Тебе надо было видеть свое лицо в этот момент.

– Неважно, – произношу я, и мне становится приятно снова чувствовать улыбку. Вспоминаю, как редко я это делаю в последнее время. – Тебе меня не запугать.

– Мы, мужчины, думаем не настолько наперед вас. Я вот, например, до сих пор топчусь на этапе приготовления к нашей свадьбе, моя будущая миссис Г.

Засмеялась еще сильнее, а потом спросила:

– Что означает буква Г в твоём нике, Доминик?

– Грейвс, – отвечает он. – Доминик Энсел Грейвс. А ваше полное имя как, ЭверлиннЛ?

– Эверлинн Беллатрикс Лоусон.

– Беллатрикс? – От удивления его брови подпрыгивают до роста волос. Он выглядит довольным и чрезвычайно веселым.

– Ну да, Беллатрикс. – Утвердительно киваю. На латыни это означает «женщина-воин». Когда речь заходила о том, как назвать детей, мама придерживалась принципа «либо играй по-крупному, либо уходи».

– Правильно, вы тоже не скромничайте, Эверлинн Беллатрикс Без-пяти-минут-Грейвс. Я не сомневаюсь, что вы и для наших детей придумаете оригинальные имена.

– Знаешь, по статистике, вероятность того, что этого не произойдет, составляет девяносто девять целых девять десятых процента. – Я проскальзываю на пассажирское сиденье его машины. На душе сейчас легче, чем за последние шесть лет.

Дом пожимает плечами.

– Но один – больше, чем ноль, так что это звучит как хорошая новость.

– Куда мы теперь? – спрашиваю я его. У меня такое чувство, что сегодняшний вечер еще не закончен. Ничего не закончится, пока он меня не поцелует. Дом из тех мужчин, которые знают, чего хотят, и он весь вечер пялился на мои губы. Я готова поцеловать его в ответ, просто чтобы убедиться, что я не сломлена. Что я все еще способна что-то чувствовать.

Он заводит машину.

– Вот увидишь, тебе понравится.

Его улыбка говорит мне то, чего не говорят его губы. Что лучшее еще впереди.

* * *

Мы добрались до пристани Пикеринг-Уорф. Доминик паркуется, обходит машину, открывает багажник и достает замысловатую, красиво завернутую мясную закуску. Сначала я решила, что это еще один признак того, что он намного взрослее меня. Не то чтобы мне это не нравилось. Вообще-то было бы неплохо иметь в своей жизни такого ответственного взрослого, раз уж нам с отцом не светит примирение. Он отдельно вытаскивает коробку с вином и подходит к столу для пикника в крошечной хижине.

Как только мы добираемся до скамеек, он вытирает с них конденсат, чтобы наши пятые точки не замерзли. А это, хочу сказать, просто эпичный поступок, прямо в стиле настоящего бойфренда.

Я чувствую, как вблизи океана холодает. В запахе морской воды и соли чувствуется нечто такое, что возвращает меня в Сан-Франциско.

К маме.

Дом, должно быть, тоже уловил мою мысль, потому что его следующий вопрос ошеломил меня.

– Итак. Как она умерла? – Он кладет виноградину себе в рот, усаживаясь напротив меня.

Не хочу об этом говорить. К нему это никакого отношения не имеет. Я никогда не делюсь подробностями того, что произошло в тот день. Даже Нора не знает всех деталей. Единственный человек, который может обо всем знать, кроме папы и Ренна, это Пиппа. И то лишь из-за того, что она увидела в местных новостях.

– Ничего, если я на эту тему не хочу распространяться? – я слабо улыбаюсь и делаю глоток вина. Оно такое красное и изысканное.

Он показывает мне большой палец вверх.

– Без проблем. Делись тем, чем считаешь нужным.

Поэтому я рассказываю ему, что у мамы была собственная галерея. Тематика готическая, и как же сильно мне в ней все нравилось. Рассказываю о том, какой беззаботной была моя мама, а еще как она прекрасно умела танцевать. О том, как она не умела готовить, но все равно пекла лучшие блины на свете. Как моя жизнь изменилась после ее смерти. Я бросила колледж еще до того, как начался учебный год, не успев даже ступить на территорию кампуса в Беркли, и переехала в Бостон, чтобы уехать подальше от дома.

– Еще не поздно вернуться, – говорит Дом. Может, он прав. А может, и нет. У меня не хватает духу вернуться туда и посмотреть в лицо тем, кому я испортила жизнь.

Я кладу в рот кусочек чеддера.

– А как насчет тебя? Есть неразбериха в семье, которой хочешь похвастаться?

– Боюсь, что нет. В моей семье все трагедии были связаны лишь с моей болезнью. Моя мама – учительница начальной школы в отставке, а отец владел строительной компанией, которую позже продал с приличной прибылью, поскольку ни я, ни мой брат не хотели ее возглавить. Они живут в пригороде, с братом частенько навещаем их.

– Он тоже живет неподалеку? – спрашиваю я, вспоминая, что пару недель назад они должны были вместе смотреть игру.

Дом кивает мне в ответ:

– В том же здании, что и я, фактически. На втором этаже. Мы сняли наши квартиры одновременно. Сеф – портовый грузчик. Он работает на причалах, загружая и разгружая корабли. У него сумасшедший график, но платят отлично, а сам он по комплекции как какой-нибудь трансформер, поэтому физический труд его не пугает. Как твой Ренн поживает?

Мне нравится, что он помнит имя моего брата.

– Ему только что исполнилось двадцать. Учится в колледже, однако его настоящей страстью остается серфинг и поедание больших сочных кусков одного блюда под названием жизнь: путешествует, тусуется на вечеринках и все такое. Бьюсь об заклад, он все еще тот, о ком мечтает любая девочка-подросток.

По крайней мере, это все, что я могу вспомнить о нем. Мы с Ренном не общались ни о чем глобальном уже шесть лет. В последнее время мы все чаще говорим «С днем рождения» и «Счастливого Рождества», обычно украшая наши послания лаконичными текстовыми сообщениями.

Мы доедаем закуски и выпиваем практически все вино, а затем отправляемся на прогулку. Скольжу рукой по перилам, пока мы бродим. На них образовался тонкий слой льда.

– Ты не замерзла? – спрашивает Дом.

– Нет, – отвечаю я, хоть это и ложь. Не знаю, почему ему вру. Кажется, для меня главное – говорить то, что считаю нужным, в какой-то конкретный момент. Не то что с Джо, которому я говорила все, что у меня на уме.

Не думай о Джо.

– Да у тебя губы посинели. Вот, держи мою куртку. – Дом выскальзывает из своей стильной куртки-пилота и накидывает ее мне на плечи. От него пахнет мужчиной и прямо веет дорогим лосьоном после бритья. Я краем глаза замечаю, что он не убирает руку с моей спины после того, как надел куртку на меня. *Хороший ход.*

– Спасибо.

– Не вопрос. Люблю, когда моим заложницам хорошо и уютно.

– Значит, ты все-таки убийца с топором.

– Убийца или нет, зависит от того, как пройдет наш сегодняшний вечер. Так что будь умницей. – Он подмигивает.

Дом как нельзя лучше подходит мне. Даже если мне не хочется наброситься на него с безумной, непреодолимой силой. И вообще, какая девушка захочет утопать в мужчине, с которым встречается? Моя проблема – недостаточно мотивации и ориентиров в жизни. А у Дома полно и того и другого, чтобы обеспечить своим жизненным топливом целую армию.

– Знала ли ты, – Дом прислонился к перилам, снял руку с моей спины и уставился на черные водные просторы, – что Атлантический океан составляет примерно двадцать процентов от всего земного шара? Он омывает Марокко, Бразилию, Исландию, Лондон и Флориду. Но каким бы большим этот океан ни был, невозможно удержаться от мысли, что из-за него мир кажется таким маленьким. Всегда можно добраться до любого места на корабле.

Облизнув губы, которые начали трескаться от холода, я добавляю:

– Мой учитель географии однажды рассказывал, что самая глубокая часть Атлантики находится возле Пуэрто-Рико. В том месте глубина достигает более двадцати семи тысяч футов.

– Была там когда-нибудь? – спрашивает он.

Я трясусь головой.

– Хотя это в моем списке желаний. А у тебя?

– Нет. Но две секунды назад появилось в моем списке желаний, чтобы туда свозить тебя.

А потом, прежде чем я успеваю ответить ему, он наклоняется и целует меня. Неожиданно. Поцелуй его пылкий, но не слишком агрессивный. Я чувствую, как между нами словно рушится стена. Подобно тому поцелую, когда я накормила Дома в тот вечер и когда он понял, насколько голоден, я сейчас себя нахожу в таком же положении. Я вся изголодалась. Я так ждала эти поцелуи. Эти прикосновения. Ужасно соскучилось по такому. По коже, теплу, запаху чужого тела, прижавшегося к моему. И вот, впервые за шесть лет, я забываю о Джо.

Я забываю о Джо, как только Дом глубоко проникает своим языком в мой рот, хватая меня за талию и притягивает к себе.

Забываю о Джо, как только понимаю, как меня возбуждает грубость Дома. Застонав от удовольствия Дому в рот, я сжимаю отвороты его рубашки, ощущая горьковатый аромат его одеколona, пока я покрываю поцелуями его шею.

Я совсем забываю о Джо, когда Дом с ворчанием прижимается своим пахом к моему, давая мне почувствовать, что я с ним делаю, затем обхватывает меня сзади за шею и целует еще более страстно. Когда наши зубы соприкасаются, в глубине моих век взрывается фейерверк.

Я забываю о Джо, когда мы с Домом дрожим в объятиях друг друга. Когда желание пульсирует во мне, как океан, глубокое и безбрежное. Когда я внезапно испытываю голод по вещам, вкус которых я не могу вспомнить.

Я забываю о Джо, даже когда отчаянно пытаюсь вспомнить.

Ведь что такое одна ночь среди целого океана дней в твоей жизни?

Глава 8

Я возвращаюсь в квартиру с таким видом, будто только что прошла марш позора. Платье мое задралось, а губы обветренные и распухшие. Волосы спутались в непослушные узлы. Единственной вещью, которая останавливала меня от любовных игр с Домом, была оставшаяся на тот момент капля здравого рассудка.

Когда я включаю свет в гостиной, обнаруживаю Нору и Кольта на диване. Нора лежит на Кольте с широко расставленными ногами, на ней лишь его рубашка малинового цвета с надписью MIT, и я вижу, что его ремень расстегнут.

– А-а-а!!! – Я вскидываю рюкзак в пространство между нами, отгораживаясь от этой парочки как через электрический забор. – Идите в другое место, ребята.

А еще лучше – отправляйтесь в ту часть квартиры, которую снимает здесь Нора.

Хорошо, что я не так много сегодня ела, так как почти уверена, что невзначай разглядела член парня моей соседки по комнате. Пока я переваривала, что вообще происходит, заметила между ними еще что-то длинное и розовое.

– Откуда мне было знать, что ты вернешься домой? – Нора посмеивается, пока я прикрываю ей спину, чтобы она оделась. Судя по звукам, они оба ведут себя прилично, а я пристально смотрю на подвесные часы на нашей кухне.

– Как прошло свидание? – спрашивает Кольт.

– Замечательно, – отвечает за меня Нора. – Иначе бы она не вернулась так поздно, и ее губы не были бы похожи на два надувных матраса.

Они оба захихикали. Я чувствую, как мои щеки порозовели. Почему я краснею? Еще минуту назад они занимались сексом на моем диване. Ну ладно, диван не мой, а общий. Но все бы со мной согласились, что пока диван не принадлежит только одной конкретной паре, осквернять его своими телесными жидкостями недопустимо.

– Было здорово, честно, – и я не придумываю. Даже если после всего этого мне грустно расставаться со своими эмоциональными костылями.

– Вот это уже по мне, – говорит Кольт. Точно. Он уже два года добивается того, чтобы Нора переехала к нему. Я знаю, что мешаю его планам. Он не может переехать сюда – здесь полный бардак, а сам он по жизни – аэрокосмический инженер. Он действительно проектирует летательные аппараты. Ему досталась чудесная квартира в центре города с ванной на декоративных ножках и полом с подогревом. Все прямо-таки готово к переезду Норы.

– Так и не терпится уже приблизиться еще на один шаг к своей цели, да? – с усмешкой обращаюсь к Кольту.

– Болею за мистера Совершенство, – признается Кольт, смеясь. – Будь он акцией на какой-нибудь бирже, я бы точно вложил зеленые в этого чувака.

Закатив глаза, я скидываю с ног ботинки по пути в свою комнату. Иногда Кольт ведет себя несколько заносчиво, но он ведь хочет как лучше, так что мы просто подшучиваем друг над другом. А когда дело доходит до разборок, он оказывается отличным парнем, который всегда с радостью готов помочь.

На этот раз мне можно не беспокоиться о том, что Локи сбежал. Вот он, сидит на обеденном столе, уставившись в стену.

– Твоя избранница вправе съехать, как только ей самой захочется, – сообщаю я ему.

– Сначала она хочет убедиться, что с тобой все утряслось, – говорит Кольт.

– Уж простите, что моя жизнь не отвечает вашим требованиям. Скоро отстану от вас, не переживайте.

– «Скоро» уже давно прошло! – Кольт кричит мне в ответ, застегивая джинсы. – Срок годности твоего пребывания здесь уже истек, дорогуша.

Нора со смехом ударяет его по груди.

– А ну цыц, животное.

– Ну ты-то уж точно зверюга, а я кто тогда?

– Твоя маленькая гепардиха, – Нора захихикала.

Меня сейчас стошнит прямо под ноги. Они не дают мне права выбора.

Направляясь по коридору в сторону своей комнаты, слышу, как они в гостиной снова со стоном целуются. Я закрываю дверь, падаю в море постельного белья и закрываю глаза, ожидая увидеть маму по ту сторону своих век. А может быть, Ренна, или же папу, ну или, может, даже Джо.

Только вот меня настигает очередная одержимость: мраморные глаза и сочащаяся мужественность.

Дом.

* * *

На следующее утро звонит Ренн. Сейчас восемь утра по восточному времени, пока для жителей Западного побережья на улице еще пять. Ренн привык просыпаться ни свет ни заря, чтобы успеть на волны. К чему он еще точно не привык, так это звонить мне, поэтому я полагаю, что это папа заставил его мне позвонить.

– Привет, – отвечаю я на первом же гудке. Я так рада видеть его имя на экране, еле сдерживаюсь от того, чтобы не расплакаться в трубку. – Получил мою посылку?

– Э-э...

Через трубку доносится зевок и женский голос. Она спрашивает:

– Ренн? Ты уже встал? Мне брать доску для серфинга?

Он потерял себя в девушке. Папа говорил, что с ним такое бывает часто. Иногда я думаю, нужна ли Ренну всегда под боком девушка, которая говорила бы ему, как сильно его любит. Особенно после того, что я натворила в нашей семье.

– Ренн? – спрашиваю я, услышав его «э-э», после которого никаких других слов не последовало.

– Да, прости. Посылку получил. Просто отпад. Спасибо, сестренка!

Он всегда называет меня сестренкой. Даже когда дела плохи. Я его за это очень люблю. За его способность вести себя вежливо с людьми, которых он даже терпеть не может.

– С днем рождения! – Надеюсь, он услышит улыбку в моем голосе, потому что у меня от нее уже болит лицо. – Как поживаешь, кстати?

– Супер. Ах, да. Нам надо кое о чем поговорить.

На фоне слышна какая-то возня. Девушка рядом с ним тоже встала.

– Пойду подгоню машину, – произносит она, и по голосу она намного старше его, на двадцать лет так точно. Что там, черт возьми, происходит? Мне вдруг стало страшно от того, что я совершенно не знаю, что происходит дома. Или же, во всяком случае, в том, что от него осталось.

– Что-то стряслось? – спрашиваю я его.

– Да, происходят кое-какие перемены. Тебе нужно вернуться домой.

Я на мгновение замолкаю. Отец говорил мне то же самое, не вдаваясь в детали, но уверял, что они оба здоровы. Теперь я начинаю думать, что он соврал мне.

– У вас точно все в порядке?

– В физическом плане? Ага. Все превосходно.

– Может, с деньгами какие проблемы? – спрашиваю я его. Вряд ли. Отец всегда занимал консервативную позицию в финансовых вопросах. У него замечательная работа. Мама хоть и совершала необдуманные покупки, но он по-прежнему любил ее.

Ренн фыркнул:

– Нет.

– А в психическом плане... есть ли... ну, имеются ли?.. – Очень сложно сформулировать мысль.

– Да нет. Ничего катастрофичного, – он говорит немногословно, раздраженно.

– Тогда что происходит? – я настаиваю на том, чтобы он ответил.

– Давай только не по телефону. Просто возвращайся домой. Тебя нет уже много лет. Я понимаю, что ты сердишься на себя, но, признаться тебе кое в чем? Мы с папой тоже на тебя злимся. – Слышать такое больно, пусть я и знала об этом. – Правда, теперь появились проблемы, которые нужно уладить, так что тебе самое время тащить свою задницу домой, пока не стало слишком поздно.

Поздно для чего? Я и так уже вас упустила.

– Я приеду, – решительно заявляю я, резко выпрямившись на своей кровати. – К Рождеству буду. Папа уже в курсе.

– До Рождества еще слишком далеко. Даже День благодарения еще не настал.

– Ничего не могу поделаться с этим, Ренн, я работаю.

– Не пудри мне мозги. Твоя работа – последнее, ради чего ты там задерживаешься. Мы оба знаем это.

На другом конце линии меня пронзает громкий продолжительный гудок, за которым следует:

– Ты идешь или как? – Он встречается с женщиной. Я уже ее ненавижу. Неужели она не видит, что он занят?

– Да, да, – бормочет Ренн, в голосе которого сквозит полная скука от того, что эта женщина вообще существует. Мне же он говорит: – Спасибо за подарки. В следующий раз не забудь, что материальные вещи ни черта не значат в жизни. Когда ты нам нужна, то вечно куда-то пропадаешь.

На этом связь прерывается.

* * *

В тот день над Салемом пронесся шторм, который еще больше испортил мое дерьмовое настроение. У меня смена в колдовском магазинчике Witch Way Out, так что приходится работать на автопилоте. Всякий раз, когда магазин пустует – а происходит так в основном из-за того, что в непогоду никто в здравом уме не бродит по улицам, – я использую это время, чтобы позвонить Ренну. Получаю от него голосовые сообщения снова и снова. Но что-то будто бы останавливает меня от того, чтобы ответить. Не знаю, что со мной. А может, и знаю – у меня просто нет хорошего оправдания. Ренн прав. Они с папой нуждаются во мне по разным причинам, но я не готова предстать перед ними в руинах, которые я оставила после себя. Мне гораздо лучше удастся отправлять подарки, открытки и письма на дни рождения.

На протяжении всего дня Дом строчит мне сообщения, чтобы убедиться, что я в норме. Я не ввожу его в курс своей семейной драмы. Хотя сегодня у него и выходной, но мы не можем встретиться: сразу после смены я обязана провести экскурсию. Пока готовлю кассу и закрываю магазин до следующего дня, слышу стук в стекло. Поначалу думаю, что это град.

Но стоит мне посмотреть на витрину, как я вижу, что это Дом прижимается к ней, держа в руках намокшие цветы и какую-то банальную коробку в форме сердца с шоколадными конфетами. Дождь хлещет по нему, катится каплями по носу, бьет по скулам. Волосы вымокли и стали черными, как уголь. Я переживаю, что он простудится. Наверное, я всегда буду немного волноваться за здоровье Дома, хоть и знаю, что у него все в порядке. Я бросаюсь к двери и отпираю ее, загоняя его внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.